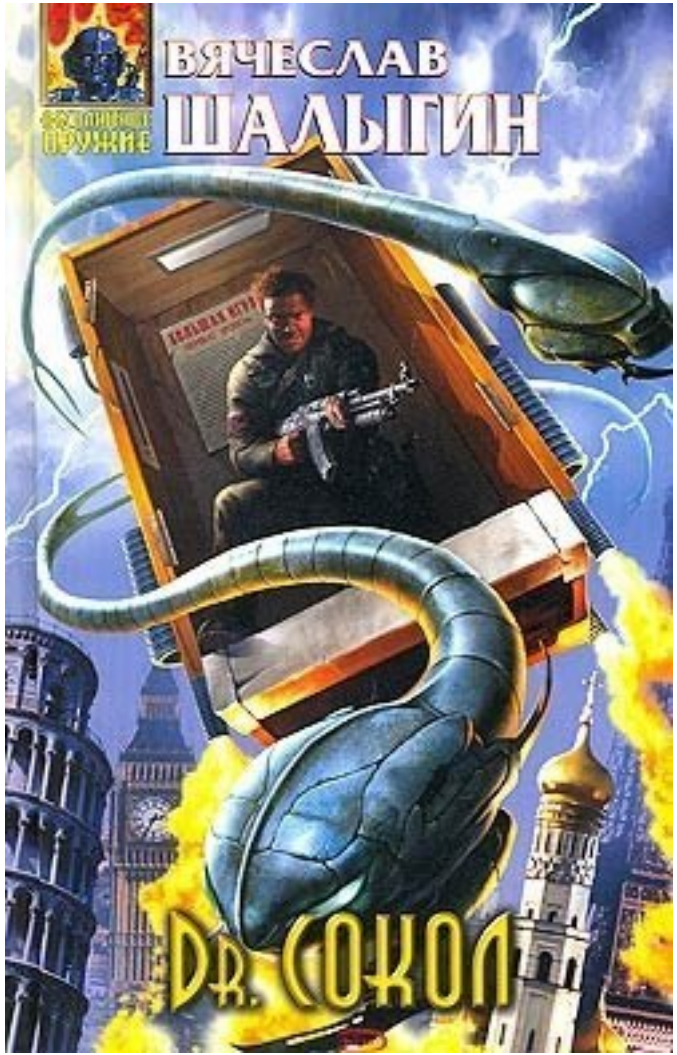
ВЯЧЕСЛАВ
ШАЛЫГИН
ОРУЖИЕ
Дв. СОКОЛ

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Dr.Сокол

Серия «Сокол», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141095
Dr. Сокол: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12672-4

Аннотация

Странные и необъяснимые события во Франции, Японии, Бразилии, Африке были только прологом глобального заговора. Его руководитель, таинственный Главный, получил самый реальный за всю историю человечества шанс стать владыкой мира. Инспирированный им повсеместный отказ электроники парализовал города и страны. Все, кто стоял на его пути, подлежали безжалостному уничтожению. Противостоять Главному и его агентам в службах безопасности ведущих стран мира могли лишь такие, как Александр Барков, в прошлом – простой инженер, а ныне – человек и биокомп в одном лице, короче говоря – «Сокол».

Содержание

Уровень 2: Наиболее опасно меньшее… 4
1. 06 июля, 15 часов 16
2. 06 июля, 18 часов 10 минут 61
3. 06 июля, 16 часов 30 минут 89
4. 06 июля, 19 часов 118
Конец ознакомительного фрагмента. 140

Вячеслав Шалыгин
Dr. Сокол

Уровень 2: Наиболее опасно меньшее…

Формат игры «Восточная угроза» предусматривал все. Играть полагалось в команде, но если ты желал уйти в одиночный рейд по тылам противника или выполнить задание, внедрившись во вражеское подразделение, – пожалуйста. А еще здесь можно было общаться с товарищами по виртуальному оружию в режиме реального времени. Если оно оставалось в пылу постоянных сражений. Впрочем, при достаточном уровне подготовки это было несложно. Беги от укрытия к укрытию, петляя по узким улочкам и прячась в загроможденных всяким бытовым хламом двориках, и переговаривайся на боевой частоте с кем угодно. Главное – своим трепом в эфире не навредить товарищам. Впрочем, команды виртуального начальства имели приоритет и заглушали болтовню разгоряченных игроков. Совсем другое дело, если ты вдруг вздумаешь похулиганить, перехватив разговоры противника и тем более вклинившись в них. С одной стороны, это правилами не запрещалось, но хитрая программа мгно-

венно демаскировала твою позицию и выбрасывала на боевой дисплей предупреждение: «Противник запеленговал вашу передачу». Как правило, за этим следовал мгновенный электромагнитный удар и обездвижение на долгие десять секунд. Выбыть из строя за это время было проще простого. Так что болтунам в «Восточной угрозе» приходилось быть крайне осторожными. А вообще-то, все зависело от уровня подготовки.

Игрок с ником Одиночка выбрался на плоскую крышу двухэтажного здания из желтоватого песчаника, что стояло неподалеку от полуразрушенной мечети с двумя минаретами. Позиция выглядела предпочтительнее предыдущей, с нее отлично просматривались сразу два перекрестка, но смущал один из минаретов. Он отлично сохранился, и на его площадке Одиночка заметил едва уловимое движение. Возможно, это были птицы или просто тень небольшого облачка дыма, дотянувшегося с земли до башенных высот. Точно сказать, что там за тень – появилась буквально на миг и тут же пропала, – Одиночка не мог, но он привык доверять интуиции. Он взглянул на часы. До вечернего намаза еще час, значит, это не муэдзин там маячит. А если так, сто к одному, что это стрелок. И пятьдесят на пятьдесят, что стрелок свой. Да и если свой, как он узнает, что Одиночка не враг? Одинокие охотники форму не носят, рядятся, как дервиши, соблюдают радиомолчание, даже простейшие маячки «свой-чужой» выключают. Пулю можно получить запросто от ко-

го угодно. Как от чужих, так и от своих. Просто для профилактики. В общем, позиция с изъяном, и ее лучше покинуть. Надо переместиться в развалины некогда шикарного дома в квартале к югу. Оттуда не виден перекресток перед мечетью, только тот, что левее, зато не попадешь под пулю снайпера, засевшего на минарете.

Одиночка отполз под прикрытие дырявых мешков с песком – когда-то на этой крыше располагалась пулеметная точка – и спустился по заваленной обломками и щебнем лестнице на первый этаж. Здесь было прохладно, но воняло, как на помойке или в разрушенном склепе. Где-то под завалами рухнувших перекрытий гнили останки хозяев дома. «Восточная угроза» не напрасно считалась лучшей сетевой игрой-стрелялкой от первого лица. Комплекс ощущений был полный, как на реальной войне. В новейшей версии, говорят, даже присутствовали назойливые мухи, а разлагающиеся останки мирных жителей не только смердели из-под завалов, но и валялись повсюду. Правда, эту версию пока не одобрила цензура. Формально это был, конечно, довольно вежливый отказ комиссии ВТО по программной этике, с просьбой доработать детали, но настоящие причины никто особо не скрывал. В прозрачном мире Сети и «Невода» этого все равно не скроешь. Последняя версия «угрозы» грешила натурализмом. И если в плане графики это был только всеми признанный плюс, то насчет содержания мнения разделились. Стоит ли показывать все жестокости войны?

Мир только начал выздоравливать, и мораль сделала мучительный шажок в сторону повышения ценности человеческой жизни, так зачем напоминать о темных временах войны с терроризмом? Контраргументы были просты – забудь и повторишь. Да, но зачем так жестоко? А как? Устроить стрельбу по розовым зайцам или нереальным чудовищам из космической бездны? Кто содрогнется и поверит, а значит, ощутит отвращение к войне? Кого перевоспитает такая игра? Аргументы были железные с обеих сторон и базировались на одинаковых платформах – на воспитании.

Одиночка усмехнулся. Он точно знал, чего добивались создатели игры. Шока, популярности и рекордных продаж. Ни о каком воспитании юных игроков они и не помышляли.

По улице, крадучись, прошла команда «западных». Они неумело прикрывали друг друга, во все глаза следили за подозрительными объектами и прислушивались к шорохам. Трое из арьергарда, в форме и с оружием CAC, прошли буквально в шаге от замершего снайпера. Одиночка вновь беззвучно усмехнулся. Дети. Сопли по щекам, а туда же – в десант, да еще в элиту. Вот посмеялись бы настоящие английские парашютисты, увидев такое пополнение. Одиночка выждал, когда команда уйдет подальше, и поднял винтовку. При желании перестрелять весь этот отряд он мог бы секунд за пять. Но это было ни к чему. Он пришел сюда не за острыми ощущениями. Он пришел поговорить. То есть именно за тем, что в игре не приветствовалось, зато полностью соот-

ветствовало интересам Одиночки и его визави. Они оба желали остаться неузнанными, и в сетевой игре соблюсти это условие было реальнее всего. В первую очередь потому, что, играя, человек неспособен заодно еще и скользить по Сети, вычисляя адрес собеседника. На это просто не хватит рук и глаз. Ты должен следить за боевой обстановкой, что-то говорить, раз уж пришел побеседовать, да еще выполнять свою игровую миссию. Какие тут «вычисления»?

Одиночка пробрался в соседний дворик, неторопливо осмотрелся, затем быстро пересек его, протиснулся в дыру в высоченном дувале и очутился на узкой мощеной улочке перед разрушенным особняком. По игровой легенде это была одна из сотни резиденций свергнутого диктатора. Зачем одному диктатору сто домов, Одиночка не понимал да и не задумывался. Мало ли зачем? Может быть, просто для самоуспокоения. Любой диктатор по определению должен быть параноиком. В большей или меньшей степени.

Первый этаж особняка был разорен и завален мусором. Представить, что совсем недавно здесь все сверкало золотом и было покрыто дорогими коврами, не получалось при всем желании. Испещренные осколочными и пулевыми шрамами стены, закопченный потолок, зияющие оконные проемы и превращенные в хлам элементы отделки и декора – всё под толстым слоем пыли, сажи и пепла. Зрелище жалкое и неприятное. А еще запахи – пороха, гари и тлена. Одиночка поморщился и осторожно ступил на каменную лестницу.

Под ногой хрустнуло стекло. Где-то на втором этаже коротко захлопали крылья. Птица не улетела. Одиночка постоял несколько секунд и двинулся дальше, стараясь больше ни на что хрупкое не наступать. Программа, конечно, могла выкинуть номер и незаметно подбросить что-нибудь на лестницу, но такими дешевыми приколами грешили игры попроще. В «Угрозе» всплывающие препятствия и ситуационное усложнение миссии предусматривались на пятом уровне и только там и существовали. Никакой дешевой самодеятельности. Продукт класса «А» стоил потраченных на него денег.

Второй этаж за время войны сохранил все стены, но напрочь лишился крыши. В здешнем климате это неудобство не могло считаться ужасным. Тени было достаточно на первом этаже, а дожди шли только глубокой зимой, да и то не дольше недели. И все-таки дом без крыши уже не был домом. Руинами – да, жилищем – нет. Наряду с прочими признаками военной разрухи эта деталь дополняла угнетающую картину и окончательно убеждала: война – это зло. Любая. Хоть такая, как в этой игре, хоть новейшая, концепцию которой там, в реальности, прямо сейчас разрабатывали некие секретные деятели. И не только концепцию. Они ковали оружие для этой войны…

– Я смотрю на тебя через оптику, Одиночка…

Шепот шел из коммуникатора. Значит, враг был далеко. Но Одиночка не был виден ни с одной из ближайших высот, это он знал точно. Противник блефовал?

– Главный?

– Так точно.

– Ты не можешь смотреть на меня. От минарета меня отделяет стена.

– Я не на минарете. Я на крыше «Шератона».

– Эк тебя занесло, – Одиночка присвистнул. – Зеленая зона в трех километрах отсюда. К чему привинчен твой прицел, к станковому гранатомету?

– К новейшему «леопарду». Калибр четырнадцать миллиметров. Прицельная дальность – три с половиной километра. И, кстати, стена из песчаника ему не помеха.

– Хорошо, я тебе верю. Но ведь мы встретились здесь не для игр.

– Вечно ты все портишь, – Главный притворно вздохнул. – А ведь мы могли бы показать этим недоноскам настоящий класс. Ты за «восточных», я за «западных». Покрошили бы для начала все их отряды, а потом сошлись бы в напряженнейшей снайперской дуэли. Это была бы настоящая сетевая сенсация. Как считаешь?

– Я считаю, что у нас мало времени. Если мы не будем выполнять свои миссии, администратор вышвырнет нас из игры за пассивность.

– Ну так давай настреляем по десятку «куропаток» да и побеседуем спокойно.

– Нет, или игры, или дела. Зачем звал?

– Как знаешь, Одиночка, – Главный хмыкнул. – А дела

такие – не мешай, и я дам тебе шанс.

– Ультиматум? – теперь усмехнулся Одиночка.

– Вроде того. Я ведь наблюдаю за тобой не только виртуально, в рамках этой игры. Я знаю, где ты скрываешься на самом деле, знаю все твои каналы подключения к Сети и «Неводу». Я знаю даже, где найти тебя во внесетевом виртуальном пространстве… с помощью Системы.

– Системы? Что это за зверь? И что это еще за «внесетевая виртуальность»?

– Ты отлично понимаешь, о чем я говорю, Одиночка. Ты ведь сам заложил основы для создания Системы. Помнишь? Когда придумал «Сокола».

– Я создавал «Сокола» для других целей. Это вы приспособили его для нужд какой-то там системы. Вы украли его у меня.

– Не будем о прошлом. Его уже не вернуть. Со своей стороны я признаю: десять лет назад мы были не правы и поступили с тобой несправедливо. Но ты отыгрался: вернул себе одного из трех «Соколов». Предлагаю на этом и остановиться.

– Я и не собирался продолжать.

– Это хорошо. В смысле – хорошо, что ты не отрицаешь своей причастности к последним событиям. Как видишь, я с тобой считаюсь. Но надеюсь, и ты проявишь ко мне уважение и не станешь претендовать на двух оставшихся «Соколов». Дело в том, что это затормозит проект, а в него вло-

жены слишком серьезные деньги. А уж какие политические силы стоят за моей спиной, нечего и говорить.

– Зачем же ты со мной беседуешь? Не проще ли меня убрать?

– Ты этого хочешь?

– Нет.

– Я тоже. Нет, не из благоговения перед гением и не из уважения к твоим сединам. Просто ты мне еще понадобишься.

– А ты самоуверенный нахал. Впрочем, чего можно ожидать от человека с таким ником?

– Бывают позывные и покруче. Например, Золотой или Бриллиантовый. Однажды я общался в Сети с малым по кличке Бог. Такая вот самооценка у человека. Но сейчас речь не об этих малоумных и не обо мне. Не мешай, Одиночка. Больше повторять не буду. Если ты не выйдешь из игры, я тебя уничтожу.

– Я ведь тебе нужен.

– Да, без тебя, когда придет время, будет трудновато, но я справлюсь. Ну, так что ты ответишь?

– Ты не дашь мне времени на размышления?

– Нет.

– В таком случае я отвечу, что ничего не могу обещать. Да, я один и, если ты меня найдешь, не смогу оказать серьезного сопротивления. Но, прежде чем ты меня уничтожишь, я успею отправить пару секретных файлов куда следует, и то-

гда, Главный, тебе придется сворачивать свой проект быстро и с крупными потерями. Ведь Система – это фактически альтернатива «Неводу», и ее главная задача – подрыв мирового политического устройства. Не так ли?

– Если ты настолько хорошо знаком с целями и задачами Системы, почему же ты до сих пор меня не сдал? Ты мог бы устранить причину, по которой прячешься вот уже десять лет, и зажить нормально. Почему ты не рискнешь совершить этот подвиг? Человечество должно знать своих героев. Выйди из тени и подними общественность на борьбу за правое дело. Иначе, как только Система проникнет повсюду и заработает, ты пострадаешь вместе с другими недовольными.

– Да, я был неискренен, когда говорил, что не понимаю, о чем ты толкуешь. Твоя Система не так уж плоха, но ее следует использовать в мирных целях, как энергию атома – в реакторах, а не бомбах. И для этого нужно всего-то получить контроль над ее составляющими. Мне, как изобретателю «Сокола», это сделать несложно. Ведь этих птичек всего лишь три на всю Систему – три «системных администратора» на триллионы исполнителей, три ключа, три варианта подстраховки от нештатных ситуаций.

– Система может обойтись и без них.

– И стать монстром? Ведь она, по сути, совершенная машина для ведения войны восьмого поколения. Ее главный алгоритм – алгоритм абсолютной агрессии. Если она выйдет из-под контроля генералов-заговорщиков, кто сможет ее

обуздать? Оружие, ракеты, боевые машины всех видов уничтожат все живое, в том числе и заговорщиков, то есть вас. Кто их остановит, кроме «Соколов»? Разве не твердая уверенность, что «Сокол» сможет стать этаким предохранителем, повлияла на принятие решения о запуске в производство составляющих Системы? Разве не эта хрупкая деталь занимает ключевое место в твоем плане?

– Подумаешь, предохранитель!

– Что же твои подручные гоняются за ним, словно угорелые?

– Да подавись ты своим Барковым! Зачем мне «Сокол», перенастроенный из воина в охранника? Кем он сможет управлять в новом мире? Всеми системами сигнализации? У меня есть еще два «Сокола», и вот они-то станут истинными генералами в нашей армии!

– У тебя? По-моему, гражданин Главный, у вас пока нет ни одного «Сокола», и заговор по-прежнему на грани срыва. Разве не так?

– Второй «Сокол» будет у меня с минуты на минуту. А третий… тоже отыщется. Присоединяйся, пока не поздно, Одиночка! В новом мире для тебя найдется достойное место.

– Могу предложить тебе то же.

– Неужели ты действительно уверен, что сможешь отнять у меня Систему и использовать ее по своему усмотрению? Ты сумасшедший?

– Нет, я в здравом уме. Все произойдет именно так, как ты

сказал. Потому что на моей стороне «Сокол». Как думаешь, компонентам Системы не наплевать на политические взгляды командира? Я думаю, наплевать. И то, что «Сокол» имеет полномочия, превышающие полномочия серверов Системы, они тоже знают, это заложено в программу исполнителей и не подлежит сомнению.

– Приоритеты можно изменить.

– И тогда Система лишится предохранителя, а без него… мы уже обсудили, что будет без него, и сошлись на мнении, что ничего хорошего из этого не выйдет. Ты можешь спокойно заканчивать внедрение и настройку Системы. Доводи число исполнителей до критической массы, распространяй их по всему миру, а я найду им применение.

– Я не отдам тебе контроль над проектом! Я доведу число исполнителей до сверхмассы, найду обоих «Соколов», активирую Систему, подчиню ей всю технику на планете и натравлю это воинство в первую очередь не на «Networld», как это планировалось раньше, а на тебя и твоего ублюдка Баркова. В качестве разминки. А уж после спущу космический «Невод» на грешную Землю и выверну наизнанку весь мир…

1. 06 июля, 15 часов

Удивительное чувство, когда возвращаешься домой после всего-то суток дальних странствий, но уже с трудом узнаешь знакомые дворики, а собственный дом и вовсе кажется чужим. Это трудно объяснить, ведь тебе знаком здесь каждый уголок, да и особых изменений за такое короткое время произойти не может, но так бывает довольно часто. Вот и сейчас Барков вошел в собственный дом, оглядываясь и напряженно ожидая, что увидит нечто неприятное, а возможно, шокирующее. К примеру, полный разгром или угрожающие надписи на стенах. Ничего такого в квартире не обнаружилось. Здесь сохранялся относительный порядок и такая же относительная чистота. Если бы не противное и обидное чувство, что в отсутствие хозяев здесь побывали чужаки, можно было бы сказать, что все как обычно. Саша вошел в кухню и брезгливо, двумя пальцами, взял со стола чашку. На дне темнели высохшие разводы от остатков растворимого кофе. Сидевшие здесь в засаде «черные» громилы не утруждали себя чайными церемониями. Взяли, что ближе лежало, вернее – стояло. Банка «Нескафе» всегда дежурила на столе, под рукой…

А ведь с утренней чашки «Нескафе» все и началось чуть более суток назад. Барков отлично помнил подробности вчерашнего утра…

Сначала он стоял у окна и, помешивая кофе, наблюдал за суетой китайских строителей, которые под руководством басовитых русских прорабов из «Мосстроя» возводили напротив Сашиного дома здание очередного филиала «Сбербанка». Потом, увидев голограмму «МТС – 30 лет с вами!», Барков вдруг вспомнил приключения десятилетней давности, ставшие – как выяснилось впоследствии – фактическим началом истории с «Соколом». Затем, размышляя над семейными неурядицами и служебными проблемами, он вышел из дома, сел в машину и отправился на работу. А на Ленинградском шоссе попал в глухую пробку, и тут началось такое!..

Подумать только – сутки! – а какая образовалась пропасть между инженером компании «Мобисофт» Александром Барковым, мирно существовавшим до десяти утра пятого июля двадцать восьмого года, и нынешним Барковым-биокомпом. То есть между человеком обыкновенным и «человекообразной биологической единицей», внутри которой засел электронный паразит, способный управлять любой техникой в радиусе километра или подключать хозяина-носителя к Интернету и глобальной спутниковой сети «Networld» (в русской интерпретации – «Невод»), будто тот и не человек вовсе, а какой-то компьютер. Всего сутки назад горная лавина невероятных событий подхватила Баркова и потащила вниз по склону, не оставляя ни единого шанса выпутаться из этой странной истории. Наоборот, проклятая лавина переломала его физически и морально, а затем швыр-

нула в пропасть, дна которой пока не было видно. Впрочем, чтобы понять, что пропал, необязательно ждать, когда из подернутой дымкой тьмы покажутся острые скалы. Падение в пропасть без парашюта – это вам не «бейс-джампинг»[1]. И пусть это лишь «образно говоря», шансов все равно никаких. Их не было изначально. Все было предопределено, еще когда Барков пил кофе у себя на кухне. А когда по дороге на работу неизвестный вертолет-эвакуатор выдернул Сашину машину из пробки и прямо на лету погрузил вместе с хозяином в здоровенный транспортный самолет, колесо событий закрутилось в полную силу.

Перед внутренним взором снова поплыли кадры пережитых за сутки приключений. И то, что происходило с самим Сашей, и то, о чем он узнал позже из бесед с «союзниками» – Владиславом Валерьевичем, Васей Климовым и Ольгой, а также из кратких файлов-отчетов своего случайного, но рокового приобретения – микроскопического, но запредельно мощного биокомпьютера «Сокол», на данный момент успешно завершившего первый этап инсталляции внутри человека-носителя. То есть внутри Баркова…

Сначала Саше казалось, что все происходящее злая шутка или ошибка. За ним гонялись какие-то люди на черных джипах и вертолетах, в него стреляли, его пытались поджечь, протаранить, взорвать, задавить… Как выяснилось позже, всего-то из-за «Сокола». Было бы удивительно, не за-

[1] Парашютные прыжки с высотных зданий.

интересуйся засевшим в голове у Баркова биокомпьютером «компетентные органы», а также всякие «черные» и «красные» дельцы. Но почему было не договориться по-хорошему? Этот вопрос Саша задал Куратору секретного научного центра Минобороны генералу Манилову, одному из участников «охоты на „Сокола“, когда попал в плен к „красным“. Ответил генерал загадкой: все, что происходило с Барковым и вокруг него, стало только первым уровнем Большой Игры, которую затеял некто, страшно законспирированный и очень могущественный. Главные события представлялись делом отдаленной перспективы, и тот из участников „охоты“, кто получал в свое распоряжение человека-„Сокола“, мог рассчитывать на значительную фору, когда Игра развернется в полную силу. Так что договориться о таком куше у „охотников“ все равно бы не вышло – только взять его с боем.

Быть пешкой в какой-то там игре Баркову не хотелось, и он сбежал из «красного» плена, но тут же попал в лапы «черных», командиром которых, по странному стечению обстоятельств, оказался старинный Сашин приятель Игорь Семенов. С помощью «Сокола», медленно, но верно превращавшего носителя в совершенную боевую биомашину, бежать из нового плена было несложно, но Семенов оказался более предусмотрительным, чем Куратор «красных». Он похитил и упрятал в секретные подвалы жену и сына Баркова. Поэтому, сидя в каземате оккупированной «черными» Горной Крепости, Барков был вынужден задуматься о спасении не

только себя любимого, но и своей семьи. И, честно говоря, если бы не принципиальные разногласия между командами «охотников», а также неожиданная помощь от Тамары – пассии Семенова, переметнувшейся в команду Сашиных союзников, – Барков мог бы сидеть под замком и размышлять об этом очень долго. Но тут «красные» атаковали зарвавшихся «черных», Тома отключила системы охраны тюрьмы, и Баркову «под шумок» все же удалось вывести семью из-под удара.

«Жаль, ненадолго, ведь Большая Игра становится все ближе и реальнее…»

Главный союзник, Владислав Валерьевич, человек загадочный, но пока вроде бы действующий в интересах Баркова, подтвердил все сказанное Куратором «красных». «Да, заговор существует, – признал он. – Его масштабы глобальны, а вдохновитель никому не известен. Так что нам придется немало потрудиться, чтобы предотвратить катастрофу. А с „охотниками“ все яснее ясного: на самом деле и „красные“, и „черные“ подчиняются одному руководству, а их междоусобицы вторичны. Издержки организационного этапа. Когда придет время, они дружно выступят под знаменами Главного заговорщика. А время придет очень скоро…»

Как ни прискорбно, с мнением Владислава приходилось согласиться – гроза близко, и все, что случилось до сих пор, – лишь первые отзвуки ее громовых раскатов! По-настоящему еще ничего не начиналось. Это подтверждали несколь-

ко серьезных фактов. Первый и основной признак надвигающейся грозы – мелькающая повсюду виртуальная тень загадочного, неуловимого и могущественного невидимки по прозвищу Главный. Коварного врага, тайно создающего абсолютное оружие против всех и вся. В первую очередь – против глобальной спутниковой сети «Networld», которая вот уже десять лет кряду не только бессовестно следит с орбиты за всеми гражданами планеты, но и помогает мгновенно обмениваться любой информацией, где бы эти граждане ни находились. То есть наряду с Интернетом, мобильными сетями и глобализацией экономики потихоньку превращает мир в отдаленное подобие «единого дома». Так что фактически на кону стоят относительно стабильное мироустройство, почти всеобщее процветание и всевидящая глобальная безопасность, против пока неизвестно какого, но наверняка худшего миропорядка.

Второй тревожный факт – работающие в разных местах по всей стране под охраной «красных» заводы по производству непонятно чего, но чего-то весьма и весьма высокотехнологичного. Очень может быть, что как раз того новейшего оружия, которым собирается воспользоваться Главный, – так называемой Системы. В пылу погонь и перестрелок задумываться, что же изготавливают на тайных заводах, было некогда, но масштабы производства – причем, без сомнений, сверхсекретного производства! – все равно поражали и настораживали.

А еще лично Сашу беспокоил третий факт – все вокруг утверждали, что его «Сокол» является важной частью Системы. Получалось, что Баркову, вопреки собственной воле, пришлось бы примкнуть к заговору, не появись вовремя на сцене Владислав Валерьевич и не вступи в игру еще один союзник, не менее законспирированный, чем Главный, и пока участвующий в событиях лишь виртуально, фактический изобретатель «Сокола» по прозвищу Одиночка. Владислав помог Саше не попасть в лапы Главного, а Одиночка перенастроил «Сокола» так, чтобы тот стал неинтересен Системе, поскольку лишился программы агрессии и перешел в режим охраны своего носителя и окружающих. Но поможет ли все это на самом деле пережить грозу и остаться нормальным человеком?

Кроме этих признаков надвигающейся беды, Саша успел увидеть много необъяснимых пока вещей. Взять, например, превращение по команде биокомпа самой обычной техники в эффективное оружие. Цирковые номера вроде коротких замыканий в нужном месте и в нужное время, атакующего пехоту бульдозера с пустой кабиной или пылесоса-берсерка, едва не порубившего электрошнуром целое отделение солдат, конечно, впечатляли, но для Баркова по-прежнему оставалось загадкой, как «Сокол» заставил бульдозер не просто поехать на противника, а еще и швырнуть в него отвал? И что за сила вдруг преобразовала электрический шнур пылесоса в клинок? Не волшебство же! А главное – если такими

возможностями обладала только одна частица Системы, что же было по силам всей Системе?

По утверждению союзников, неведению Александра относительно всех способностей «электронного симбионта» и, возможно, предназначения Системы скоро придет конец. Послезавтра «Сокол» закончит инсталляцию и откроет хозяину секретные файлы, поскольку станет неотъемлемой частью человека-биокомпа. Такова плата за современный вариант всемогущества, за то, чтобы стать первым представителем новой ветви рода человеческого, первым *homo electronicus*– «человеком электронным». И тут опять же возникает ряд вопросов. Почему именно через трое суток? Уж не потому ли, что одновременно с установкой «Сокола» заработает и Система? Если так, то союзники Баркова жестоко ошибаются, считая, что у них остался хоть какой-то запас времени – до августа или больше, как утверждал Владислав. До восьмого июля, господа союзники! А дальше сплошная неизвестность. Пусть Баркову уже не стать воином Системы, но ведь где-то – Саша подозревал, что как раз в руках «черного» босса Семенова или «красного» генерала Манилова – оставались еще два «Сокола». И теперь, если Система, то есть Главный, ими завладеет, встать у них на пути не сумеет никто, кроме Баркова. У двух запрограммированных на агрессию «Соколов» и непонятной, но грозной Системы, которая, по слухам, скоро будет обладать силой, сравнимой с могуществом всей техносферы!

Сражаться с лучшими детищами современной цивилизации за будущее этой самой цивилизации почетно – ясный день! – но без знания уязвимых мест противника как-то страшновато. Да и вообще… один, пусть и сверхчеловек, в поле не воин, а союзники вроде Владислава Валерьевича или Одиночки в войне с такими монстрами, как Главный и его Система, вряд ли сильно помогут…

Кстати, именно с виртуальным союзником Одиночкой связан четвертый факт, свидетельствующий о неоднозначности событий последних суток. Этот факт – погружение во внесетевое пространство, в странный виртуальный мир, куда Саша попал, когда «Сокол» укрепил свои позиции и наладил тесные связи с подсознанием хозяина. Барков пока не до конца осознал, что же это за пространство и как оно согласуется с привычным и доступным нормальным людям инфомиром электронных сетей, но в то, что это не плод больного воображения, Саша поверил. Хотя бы потому, что полуреальный Одиночка беседовал не только с ним, но и с другими союзниками, а в самой виртуальности Саша встретил еще одного обладателя «Сокола» и даже сошелся с ним в довольно напряженной схватке. Казалось бы, возможность видеть «изнанку» информационной реальности никак не пересекалась с главной проблемой, но Сашу беспокоил другой момент – он что-то увидел там, в запредельном пространстве. Что-то, определенно связанное с Системой, вот только что конкретно? Понять это ему пока не удалось…

Вот такие теперь ассоциации с «Нескафе». «Мировой лидер в производстве баночек для окурков» и мировая угроза в виде глобальной Системы – на первый взгляд, ничего общего, но что-то все же есть…

Барков отправил посуду в мойку и вернулся в коридор. Лена и Олежек ушли в спальню: переодеться и собрать вещи. Почетный караул в составе Васи Климова, Ольги и Владислава Валерьевича топтался на месте, с любопытством оглядываясь. Двое офицеров из спецгруппы ФСБ, встретившей «путешественников с юга» еще на вертолетной площадке, остались в подъезде у двери квартиры, еще трое дежурили внизу, в машине. На вопрос Баркова, к чему такой конвой, Владислав ответил просто: «чем больше, тем лучше».

– И держаться предпочтительнее всем вместе, – заявил Владислав Валерьевич назидательным тоном.

– Зачем же вы отправили куда-то Тамару?

– Она пока не зачислена в команду.

– Вот как?! А я, значит, зачислен?

– Значит, – Владислав с улыбкой развел руками. – Не будем отвлекаться на разговоры, Александр, все только начинается, а потому сейчас нам важно оперативно упаковать чемоданы и укрыться в надежном местечке.

Барков с трудом удержался от вопросов вроде: «Что конкретно только начинается?» – и отправился в спальню, где торопливо переоделся, побросал в сумку нужные вещи и передал ее Лене. Жена отнеслась к сборам более рациональ-

но. Она вынула из шкафа еще одну сумку и принялась укладывать имущество со всем старанием, чем вызвала беспокойство у Климова. Он каждые полминуты выразительно косился на часы и что-то невнятно бурчал себе под нос. Ольга же Лену поняла и даже взялась ей помогать, чем показала, что косвенно осуждает Васину нетерпеливость. Против двух женщин, занятых выбором тряпок, бессилен целый взвод недовольных мужчин, а потому Климов просто ретировался на кухню, где начал греметь чашками-ложками.

– Барков, где у тебя кофе?

– На столе.

– Растворимый? – Вася иронично выгнул бровь. – Видел бы это безобразие твой босс Евгений Иванович. Ведущий специалист «Мобисофт» пьет «Нескафе»! А как же корпоративные правила?

– Климов, не занудствуй, – отмахнулся Саша. – Нормальный кофе. И вообще, я люблю чай. Чашки помой хорошенько.

– Я всегда за собой убираю, – Вася обиженно фыркнул.

– За тобой и я уберу, ты предварительно помой. Неизвестно, чем тут эти быки занимались. Может, наплевали повсюду.

– Думаешь? – Климов с сомнением заглянул в чашку и, после недолгих колебаний, поставил ее в мойку. – Расхотелось.

– В холодильнике минералка должна быть, в бутылках.

– Спасибо, – Вася тут же направился к большому, под потолок, белому «Самсунгу».

– Климов, замри! – вдруг строго прикрикнул Владислав Валерьевич.

– Я только попить… – Вася поднял на седого командира недоуменный взгляд. – Саня же разрешил.

– Ты что, боевики не смотришь? – Владислав прошел в кухню. – Оперативник ты никакой, я знаю, но элементарную осторожность проявлять все-таки надо. А если там «закладка»? Холодильник – идеальное место.

– Да что ты осторожничаешь, прямо как на чеченской войне, Влад? – изумился Вася. – Какие еще закладки? Может, ты еще и под кроватями пошаришь? На предмет растяжек. Ну, побывали тут «черные», но почему они должны были все заминировать, зачем?

– Затем, – терпеливо объяснил Владислав.

– Нет там ничего, – улыбаясь, сказал Саша. – Я бы почувствовал.

– Да? – Владислав резко обернулся и пристально посмотрел на Баркова. – Каким образом?

Только сейчас до Саши дошло, что вся эта миниатюра была разыграна Владиславом и Климовым лишь для того, чтобы поймать Баркова на слове. И это им удалось.

– Разве «Сокол» все еще внутри вас? – Владислав усмехнулся. – Господин Одиночка его не удалил?

– А разве я говорил, что удалил? – ощетинился Барков.

– Это верно, ничего определенного ты не сказал, – вставил Вася. – Хитрец-любитель.

– Куда уж мне до вас, – с досадой ответил Саша. – Сыграли, как в театре. Бомба в холодильнике – надо ж было придумать!

Его непосредственная реакция изрядно развеселила товарищей.

– Ты не обижайся, – приобняв Сашу за плечи, сказал Климов. – Мы же теперь одна команда.

– Вы, – стряхивая его руку с плеча, буркнул Саша. – А я к вашей команде временно прикомандирован. И на этом предлагаю остановиться. Ликвидируем мировую угрозу и разбегаемся. Новая программа моего «Сокола» предусматривает самоликвидацию компа в финале миссии.

– Надо же, какая хитрая программа, – фальшиво удивился Владислав Валерьевич. – А я думал, что за те пять минут, которые вы провели в подвале у Одиночки, он успел лишь заблокировать у «Сокола» функцию агрессии. А оказывается, он и программу переписал. Ну-ну.

Барков почувствовал, что краснеет, но признавать правоту Владислава не спешил. События последних двух дней научили его не торопиться с заявлениями и не поддаваться на провокации.

– Ну так можно минералочки? – заполняя неловкую паузу, спросил Вася.

Саша прекратил играть в «гляделки» с Владиславом и по-

дошел к холодильнику. Положив ладонь на ручку, он постоял несколько секунд, опустил руку и снова обернулся к седому.

– Хорошо. Я с вами. Без ограничений. Но хочу, чтобы и вы были предельно откровенны. Мой «Сокол» теперь не агрессивен, работает только в режиме охраны, однако все прочие установки сохранены. Секретные файлы он откроет мне не раньше завтрашнего полудня, а я хочу знать все уже сейчас. Иначе в течение ближайших двадцати часов так и буду для вас балластом. Не знаю, как вас, но меня такое положение дел напрягает.

– Не требуйте от меня больше, чем я могу реально, Александр, – Владислав Валерьевич развел руками. – Обрисовать текущую обстановку я готов хоть сейчас, но открыть истинное назначение «Сокола» сможет только он сам.

– С чего-то надо начинать, – Саша пожал плечами.

– Хорошо. Начну с того, что уверен – нейтрализация «черных» лишь отвлекающий маневр. Главный – тот самый руководитель и вдохновитель заговорщиков, который контролирует создание и распространение секретной глобальной Системы, – разменял Хозяина «черных», чтобы сохранить возможность продолжать партию. В его команде стало меньше слабоуправляемых, зарвавшихся бойцов криминального плана, зато сохранилось и даже увеличилось число исполнителей из силовых ведомств. В частности – из Министерства обороны. Теперь на нашем участке невидимого фронта наиболее опасными становятся люди Манилова, по-

скольку, в отличие от «черных», они вроде бы на стороне закона и в то же время пляшут под дудку Главного.

– Но тогда выходит, что министр обороны тоже участвует в заговоре? Ведь Систему разрабатывают непосредственно на секретных военных объектах. Да и Куратор проекта вполне официальное лицо – генерал Манилов.

– Не уверен, что министр в курсе, кто на самом деле вертит Маниловым.

– Что же получается, Манилов действует у него под носом? Не слишком ли нагло для генерала?

– Для генерала – да, для одного из ключевых заговорщиков – нет.

– А не может быть, что министр и есть Главный?

– Все может быть. Но пока личность Главного не столь существенна. Пока важнее понять, когда он нанесет удар, в чем будет заключаться его основная военная хитрость и как это предотвратить?

– А что это будет за удар, вам не интересно?

– А это мы примерно представляем. Ничего хорошего, уж поверьте.

– По-прежнему не хотите говорить о секретных файлах?

– Не хочу создавать у вас ложного настроя. Ведь у меня свое видение проблемы, у Васи вон свое. Пусть уж лучше вас проинформирует «Сокол». Он сделает это лучше меня. Вы ведь теперь друзья.

– Почему вы так решили? Он просто перешел в режим

охраны, вот и все. Какая может быть дружба между живым хозяином и электронным паразитом у него в мозгах?

– Возможно, настоящей дружбы у вас действительно не получится, но ведь «Сокол» почему-то перестал вас терзать. Почему? Охрана охраной, а инсталляция по плану. Вы сами сказали, что, кроме устранения функции агрессии, больше в нем ничего не изменилось. Так почему же теперь внедрение «Сокола» идет не так болезненно, как прежде? Почему он больше не стремится подчинить вас себе?

– Это несущественно. Не хочу пока об этом думать.

– Как знаете. А нет ощущения, что вами манипулируют?

– Раньше было. Мной почти управлял «Сокол». Теперь же я волен делать, что хочу.

– В рамках данной Одиночкой психологической установки?

– Пусть так. Это верный путь, и надо пройти его до конца. Иначе мне не вывернуться из этой истории. Разве я не прав?

– Отчего же! Конечно, вы правы. Но если бы вы только знали, насколько он долог, выбранный вами путь! Ведь вы лишь в самом начале. Ну хорошо. Мы с вами. По крайней мере, до момента, когда «Сокол» откроет вам секретные файлы и вы узнаете всю правду. Это и будет точкой отсчета, этаким рубежом событий, после которого принятое решение станет окончательным и бесповоротным: либо вы сражаетесь, либо уходите в сторону и прячетесь до тех пор, пока вас не выследят и не убьют.

Чрезмерная насыщенность атмосферы пафосом вызвала у Баркова тошноту, и он поморщился. От язвительного комментария его удержало появление в коридоре Лены с Олежеком и Ольги с двумя набитыми сумками в руках.

– Мы готовы, – Ольга поставила багаж и выразительным взглядом предложила мужчинам принять эстафету.

– Ребята, вперед. Лена, Оля – за ними, – с явным облегчением в голосе приказал Владислав.

Было видно, что ему самому надоели эти пытливые барковские интервью и он сто раз пожалел, что сразу не рассказал Саше всю правду о назначении «Сокола». Но теперь сделать это ему не позволяла гордость или упрямство. А скорее всего, и то и другое. Ну что ж, у каждого свои пунктики. Даже у таких опытных секретных сотрудников непонятно каких спецслужб.

Владислав подтолкнул Климова к двери и торопливо вышел следом за ним, предоставив Баркову право покинуть жилище последним. Хозяин все-таки.

– Саня, ну минералочки-то прихвати! – крикнул напоследок страждущий Климов.

Барков вернулся к «Самсунгу» и снова взялся за ручку…

От внезапного удара тревожного виртуального набата в голове он едва не упал на колени.

«Опасность первой степени!» – проскрипел «Сокол».

Саша отпустил ручку и прижал ладони к вискам.

«Да что опять за чертовщина?! „Сокол“, объяснись!»

«Взрывное устройство кустарного производства. Детонатор стандартный, на размыкание, совмещенный с электронным таймером. Обратный отсчет начат в момент открытия входной двери. Расчетное время взрыва – пятнадцать тридцать. Открывать рефрижератор категорически запрещено. Запустить программу нейтрализации взрывного устройства?»

Саша взглянул на часы, высвечивающиеся на телеэкране в дверце холодильника. Шла вторая половина двадцать девятой минуты. Внутри у Саши все оборвалось. Если бомба достаточно мощная, достанется не только ему, но и всей неторопливо спускающейся по лестнице процессии. «Черт!» Барков вытер взмокшие ладони о джинсы. Осталось двадцать две секунды.

«Действуй, „Сокол“, действуй!»

«Нейтрализация взрывного устройства будет произведена в течение двадцати секунд».

Саша попятился. Времени предостаточно. За двадцать секунд можно до Кремля добежать. Стараясь не сорваться в вязкую трясину паники, Барков пулей вылетел в коридор и бросился к выходу…

И едва не разбил лоб о внезапно захлопнувшуюся дверь. Пару секунд Саша просто растерянно стоял, затем подергал ручку, приложил ладонь к замку – никакого эффекта. Вернее, эффект был – замок открылся, но дверь не подалась. Саша навалился плечом, затем ударил ногой – безрезультатно.

Дверь словно прикипела к коробке.

«Да что за ерунда?! „Сокол“, открыть!»

«Наружная механическая блокировка. Требуется воздействие третьего типа. Произвести?»

«Да, черт возьми, да!»

За дверью послышалось странное шуршание, будто кто-то пересыпал песок из одного жестяного ведра в другое. Продолжалось оно не дольше пяти секунд, но за это время Барков успел облиться холодным потом так, будто побывал под душем. Ведь, по его подсчетам, до пятнадцати тридцати оставались примерно те же пять секунд, и если «Соколу» не удалось нейтрализовать мину, то эти пять секунд могли оказаться для него последними.

За дверью что-то брякнуло, и почти сразу часы коротко пискнули, давая получасовую «отбивку». Саша толкнул дверь и вывалился в подъезд, для верности растянувшись на полу во весь рост.

– Что случилось?! – На площадку буквально взлетел Климов. – Ты чего лежишь, споткнулся?

– Я… – Барков поднял голову. – Сколько времени?

– Почти половина четвертого, – Вася наклонился, чтобы помочь товарищу подняться, но Барков отбросил его руку.

– Назад! Вниз!

У Саши перед глазами возник отчетливый образ таймера, зловещие красные цифры которого продолжают обратный отсчет. Ведь «адский будильник» вовсе не обязатель-

но был синхронизирован с часами холодильника! Опасность взрыва все еще сохранялась. Вася поймал его взгляд и попятился, едва не рухнув с лестницы. Барков вскочил на ноги и почти на руках вынес Климова из подъезда – развернуться лицом вперед Вася сумел только этажом ниже. Когда они очутились на свежем воздухе, Барков немного пришел в себя и виновато отряхнул с Васиного плеча несуществующую пыль.

– Ты чего? Что случилось-то? – удивленно хлопая глазами, переспросил Климов.

– «Закладка» там все-таки была, – взглянув на не менее удивленного Владислава, ответил Саша. – И дверь кто-то подпер… Вот этим.

Он протянул седому шестигранный в сечении кусок железа.

– Похоже на обрезок лома, – Владислав подбросил железку на ладони. – Только коротковат он для распорки.

– Его разрезали, – в голосе Саши сквозила неуверенность. – Не знаю, кто, но очень быстро. «Сокол» скомандовал, и через пять секунд – готово.

– Что за чудеса? – еще больше удивился седой. – Разрезали? Чем? Автогеном? На ощупь он холодный и следов никаких. На «болгарку» тоже не похоже. Да и не возьмет ни то ни другое такую толщину за пять секунд. Вы ничего не путаете?

– Можете подняться, проверить, – Саша прислонился к машине и утер со лба холодный пот.

– А про бомбу вам тоже «Сокол» сказал?

– Он ее нейтрализовал.

– Даже так? – Владислав недоверчиво хмыкнул. – Он еще и сапер? Ну-ну, проверим.

– Проверяйте. Только гражданских лиц для начала из зоны боевых действий эвакуируйте. А еще не мешало бы подъезд проверить. Тот, кто подпер мою дверь этим ломом, не мог далеко уйти. Он где-то здесь прячется, гад!

– Разберемся, – Владислав открыл смарт и бросил абоненту несколько коротких приказаний.

«Кавалерия» прибыла почти мгновенно. Видимо, на случай именно такого развития событий ждала за углом. Оранжевый фургон саперного отряда ФСБ и два микроавтобуса с бойцами заблокировали все выезды из двора, а их экипажи тут же взялись за дело.

Машину, на которой приехали незадачливые жильцы и их сопровождение, подпер фургон саперов, но седой, похоже, уезжать пока и не собирался. Он отправил семейство Барковых и Ольгу в качестве сопровождающей пешим порядком в соседний двор, где их ждала другая машина, а Климова и Сашу оставил при себе «до полного выяснения».

Примерно через десять минут Владислава Валерьевича отозвал в сторонку начальник саперной команды. Выслушав его доклад, седой озадаченно потер гладкую макушку и махнул рукой Баркову.

– Сюрприз в холодильнике был, ваша правда, Александр.

Но его таймер остановился за две секунды до взрыва.

– Все верно, – Саша кивнул.

– Чего верного-то? – раздраженно спросил сапер. – Цепи в целости и сохранности, электронный блок выдает продолжение отсчета, вот только сигнал из процессора часиков идет почему-то не на детонатор, а на дисплей холодильника. Взгляните.

Он показал Саше изображение в своем смарте. На двадцатидюймовом дисплее «Самсунга» поверх данных о температуре, «окошка» новостного телеканала, колонок сетевых новостей и другой полезной информации светились цифры обратного отсчета. Если судить по ним, после «взрыва» прошло уже двенадцать с половиной минут – перед цифрами стоял «минус».

– Вы же понимаете, в чем дело, – Саша обернулся к Владиславу.

– Не совсем, – признался седой. – Если «Сокол» обезвредил мину, честь ему и хвала, но как он перебросил сигнал? Ведь для этого требуется как минимум присоединить провода от бомбы к контактам дисплея вашего холодильника. Или бомба имела радиомодем?

– Не знаю, – Барков развел руками. – Но нечто подобное уже случалось, правда, в других ситуациях. А что насчет распорки?

– Криминалисты разбираются, – сообщил сапер. – На втором обрезке никаких отпечатков. И чем его пилили, они то-

же пока не понимают.

– Тоже «ситуация»? – Владислав, щурясь, взглянул на Сашу.

Тот криво усмехнулся и кивнул.

– Да, еще, – нехотя «опомнился» сапер. – Мажордома вам придется заменить, гражданин Барков. Он, похоже, крепко «завис». Мы начали сканировать его на предмет посторонних деталей в системном блоке, а он почему-то заискрил и вспыхнул. Пришлось гасить порошком… Ну, сами понимаете, что там теперь внутри.

– Спасибо, – Барков скрипнул зубами. – Компенсации, конечно, мне не полагается.

– Ну-у, если подадите жалобу, может быть… – сапер ехидно ухмыльнулся.

– Постойте, – вмешался Владислав, – взрывчатки в нем не было?

– Нет. Наверное, просто замкнуло.

– Значит, мы можем его забрать? Климов! Мажордома – на экспертизу, – Владислав Валерьевич заметно оживился. – А вам, Александр, мы поставим нового управляющего домашним хозяйством, я гарантирую. Не расстраивайтесь.

– Постараюсь. – Саша кивком указал на переминающихся у третьего подъезда бойцов группы захвата. – А как насчет злоумышленников? Нашли кого-нибудь?

– Вы же видите, – Владислав усмехнулся. – Раз не спешат обрадовать, значит, как и с отпечатками – полный ноль. Но

сейчас важно не это. Сейчас меня больше занимает странное поведение «адской машинки» и вот этот предмет.

Он снова повертел в руках обрезок лома.

– Я же вам говорил, «Сокол» уже не в первый раз устраивает такие фокусы…

– «Сокол», уважаемый Александр, – седой чуть повысил голос, – это всего лишь миниатюрный компьютер с расширенными возможностями и кое-какой особой периферией. Он не умеет дистанционно резать железо и перепаивать провода.

– Я об этом и толкую, но вы не хотите меня слушать, – парировал Барков. – А что, секретные файлы «Сокола» не имеют отношения к подобным штучкам?

– Не совсем, – потеребив короткую седую бородку, задумчиво пробормотал Владислав и тут же спохватился: – Вернее, я не в курсе. Все может быть.

– Ну-ну, – передразнил его Саша. – Теперь мы можем ехать? Мне здесь как-то не по себе. Думаю, моей жене и подавно.

– Да, конечно, – Владислав Валерьевич вручил обрезок лома Климову. – Это тоже отдай экспертам. Встретимся в «гольф-клубе».

– Где? – Саша перевел удивленный взгляд на Васю.

– Увидишь, – Климов подмигнул. – Тебе там понравится…

…Вместе с нужными вещами Лена прихватила свой смарт, и потому, едва усевшись в машину, Барков набрал ее номер. Сашу сильно беспокоило ее состояние. Жена была напугана и давно перешла грань «девятнадцатого нервного срыва». Ее надо было поддержать и успокоить. Ведь даже самому Баркову, во-первых, мужчине, а во-вторых, при поддержке и энергетической «накачке», обеспеченной «Соколом», было тяжело сохранять душевное равновесие в круговерти событий.

– Как ты? – стараясь выглядеть бодрым, спросил Саша.

– Хорошо, – тихо ответила Лена, не глядя в объектив смарта. – Олежка устал, капризничает.

– Ничего, скоро отдохнете. Нам обещан райский уголок.

– Я уже ничего не хочу, – В глазах у Лены блеснули слезинки. – Пусть нас просто отпустят.

– Ты же видишь, нам нельзя оставаться без охраны.

– Я уеду к маме. Там будет безопасно.

– Она опять начнет баловать сына, читать тебе нотации, – Саша улыбнулся, – и через три дня ты запросишься обратно.

– Ну и пусть читает, – голос Лены задрожал. – Я так устала…

– Потерпи, пожалуйста, скоро все наладится.

– Не надо меня успокаивать, я же понимаю, что еще ничего не начиналось… Если мы тебя потеряем, это будет… катастрофа… Саша, давай уедем! Брось все!

– Я не могу, родная. Пойми, это невозможно.

– Это из-за того… происшествия… в бункере? Но ведь ты защищался! Ты спасал нас! Ты… стрелял в плохих, ведь так?!

– Не в этом дело, Ленчик. Меня никто не обвиняет и не шантажирует, участие в этом деле – мой добровольный, осознанный выбор.

– Это дело для тебя важнее, чем мы?!

– Если я все брошу, не останется ничего и никого, в том числе и нас. Я не могу поступить иначе.

– Тогда всему конец. Ты не подумай, я не разуверилась в тебе, но… победить этих… заговорщиков совсем не то же самое, что уложить на песок четверых шахтеров. Ты один не справишься, а я не хочу видеть, как ты гибнешь за бессмысленную и заведомо проигрышную идею!

– Лена, все не так мрачно, – Саша снова ободряюще улыбнулся, хотя в глубине души после слов жены заскребли крупные черные кошки. – Я не один. За моей спиной очень грамотная и сильная команда. В меня верят, поэтому мы справимся. Но я хочу, чтобы ты тоже верила в меня.

– Я… верю, – Лена утерла слезы. – Просто очень боюсь…

Она выключила смарт. Саша не стал повторять вызов. Сейчас им обоим требовалась пауза и пара глотков кислорода. Барков приоткрыл окно и вдохнул горячий, пахнущий асфальтом, пылью и выхлопами городской воздух. От такой «дыхательной смеси» стало еще хуже. Саша закрыл окно и включил посильнее кондиционер.

– Не простудитесь, – заботливо предупредил Владислав.

– Простудиться и сдохнуть сейчас не худший вариант, – поиграв желваками, процедил сквозь зубы Саша.

– Вы не правы, – Владислав Валерьевич осуждающе покачал головой. – Но я вас понимаю…

* * *

В «гольф-клубе», зеленом островке, оставшемся от некогда обширного парка Лосиный остров, Баркову действительно понравилось. Он и не предполагал, что прямо в городе – перенаселенном и окончательно задушенном сплошной застройкой – сохранились такие оазисы. Суматошная жизнь мегаполиса огибала эти сто с лишним гектаров аккуратно подстриженных зеленых полян, ровных кустарников и тщательно спланированных лесочков, как вода огибает замшелый валун: она плескалась со всех сторон, бурлила и забрызгивала камень-оазис крупными каплями, но они мгновенно исчезали, не оставляя следов. Так было и здесь: люди, имеющие право войти в этот рай посреди асфальтового ада, мгновенно растворялись в нем, отрекаясь от повседневных забот и суеты. Не все «члены клуба» играли в гольф, но этого на самом деле и не требовалось. Главным условием пребывания на территории закрытого парка было – отдыхать. Никаких дел, за исключением сугубо неофициальных переговоров и обедов с друзьями или партнерами в ресторане, что распола-

гался на первом этаже гостиничного комплекса, умело вписанного в ландшафт точно посередине парка. Никаких забот и волнений. Только изысканная пища, относительно свежий воздух, спорт и оздоровительные процедуры. Так, во всяком случае, утверждал Владислав Валерьевич.

– И кто здесь хозяин? – с удивлением и отчасти с восхищением осматривая чудесные виды, поинтересовался Саша. – Я бы с удовольствием купил клубную карточку.

– Боюсь, это нереально, – с улыбкой ответил Владислав. – Это закрытый клуб с очень сложной системой приема новых членов. Но гостевая карта, считайте, у вас уже есть.

– Учет членов ведется на компьютере? – На снисходительную улыбку седого Барков ответил улыбкой ироничной. – Мне нетрудно сделать так, чтобы моя фамилия появилась в списках и без соблюдения формальностей.

– Владелец знает всех членов в лицо. Ваши новые таланты тут не пригодятся, Александр. Да и ни к чему это – фальсифицировать списки. Отдыхать здесь вам никто не запретит. Вас просто не пустят на закрытые мероприятия, но поверьте, здесь есть чем заняться и без этих скучных заседаний в душном, тесном зале.

– И все равно любопытно, – Саша обвел жестом пространство вокруг. – Прямо посреди Москвы – оазис, а посреди него штаб-квартира масонской ложи. Крайне интересно.

– Все не совсем так, – Владислав поморщился. – Нас, конечно, можно сравнивать с масонами, но сходство очень от-

даленное, почти никакого. А насчет штаб-квартиры вы угадали. У нас есть контора в СИТИ, но это лишь представительство, фасад. Основные аналитические мощности и оперативный центр расположены здесь. Как видите, я играю честно. Ваша семья в полной безопасности, и вы сможете спокойно работать.

Машина остановилась в специальной парковочной зоне, примерно за двести метров до главного строения «клуба». Оставшееся расстояние можно было преодолеть, усевшись в электромобильчик, но Владислав предложил пройтись, и Барков согласился. Когда еще удастся погулять вот так, неспешно, вдыхая чистый воздух и наслаждаясь видом сочной, зрелой зелени. Благодать, да и только. Хорошего настроения, возникшего на контрасте с полутора сутками нервной беготни, не могло испортить ни беспощадное июльское солнце, ни «Сокол», который почему-то заставлял позвякивать тревожные колокольчики хозяйской интуиции с того самого момента, когда машина въехала на территорию «клуба».

Смарт сыграл знакомую мелодию. Звонила Лена. Она, похоже, немного успокоилась. Во всяком случае, выглядела не такой подавленной, как во время предыдущего сеанса связи.

– Устроились? – Саша улыбнулся, увидев, какую смешную гримасу состроил Олежек, восседающий у мамы на руках.

– Да. Здесь так здорово! И очень спокойно. Мне нравится, правда, тут повсюду полно охранников и почти нет прилич-

ной тени. Зато есть открытый бассейн и водные аттракционы. Мы надолго сюда перебрались?

– Не знаю. Считай, что это компенсация за несостоявшийся отдых в Сочи.

– На юг мы планировали поехать вместе, – Лена укоризненно вздохнула. – А здесь… классно, конечно, но без тебя мы заскучаем.

– Я буду приезжать.

– Хорошо бы, – она снова вздохнула и указала взглядом куда-то за кадр. – Владислав Валерьевич с тобой?

– Да, рядом.

– Попроси, пусть нас охраняет Ольга, а то я больше никого не знаю. Если не с кем будет поговорить, я с ума сойду.

– Первое время, – не дожидаясь трансляции вопроса, ответил Владислав. – Дня три-четыре, если не возникнет осложнений. А потом Ольга понадобится мне самому. Так что заводите друзей, не откладывая.

– Я поняла, – Лена кивнула. – Вы идете сюда?

– Да, через пять минут встретимся, – Саша выключил смарт и вздохнул с облегчением. Настроение жены его почти порадовало. Она успокоилась, и это внушало надежду на то, что скоро Лена окончательно придет в себя. – А действительно, Владислав Валерьевич, здесь много деревьев, но все они посажены так, что почти не образуют приличных перелесков. Очень мало тени. В такую жару это, по-моему, актуально.

– Для гольфа нужны поляны, а не леса, – Владислав усмехнулся. – А если серьезно, все так устроено для удобства наблюдения с помощью «Невода».

– Вы хотите сказать, что главным охранником здесь работает именно следящая спутниковая сеть?

– Да, а почему вас это удивляет?

– Ну, во-первых, потому, что после похищения на Ленинградском шоссе, с которого и начались все мои злоключения и которого «Невод» не увидел, я ему не очень-то доверяю, а во-вторых…

Договорить Саша не успел. На смарт Владиславу Валерьевичу пришел срочный вызов, и седой поднял руку, прерывая Баркова. Беседа шла в закрытом режиме – слышал абонента только Владислав, – но чтобы понять, что новости скверные, ничего слышать и не требовалось, достаточно было взглянуть на выражение лица седого.

– Как так исчезла? – Владислав побагровел. – Вы точно знаете? А что видно на записях охраны? «Невод» ничего не зафиксировал? Это точно?

Барков, услышав последние слова, поднял кверху указательный палец и многозначительно скривился: «А что я говорил пять секунд назад?!»

– Немедленно предоставить мне полный список «откупленцев»! Да, всех до единого. И коммерческих, и договорных. Главную оперативную группу в ружье… И предупредите ФСБ. Не конкретизируйте, просто дайте ориентировку…

Нет, в ближайшие пять минут меня не беспокоить, я сам перезвоню.

Он дал отбой связи и невнятно чертыхнулся.

– Извините, «откупленцев»? – Саша заинтересованно взглянул на седого. – И «предупредите ФСБ». Как это все понимать? Получается, вы не из Конторы? Вся эта красота – частное предприятие? И где ваша честность, в таком случае?

На лице Владислава отразились уже просто вселенские муки. Было видно, что он не рад не только знакомству с дотошным носителем «Сокола», но и вообще ничему на свете. Саша отметил про себя, что раньше не славился такой настойчивостью и умением «доставать» людей. «Времена меняются быстрее, чем ветер, – Барков про себя усмехнулся. – А вместе с ними меняются и характеры. Может быть, не в лучшую сторону, но каковы раздражители, такова и реакция. Сделали из меня сверхчеловека – получите сдачу».

– «Откупленцы» – это те, кто выпросил у нас своего рода «невидимость», возможность избавиться от наблюдения «Невода». Ненадолго, на строго определенный момент, не больше двух часов.

– Ого! – Барков остановился и удивленно вытаращился на Владислава. – Банда хакеров зарабатывает на взломе «Невода»? Шапка-невидимка, сшитая из еврокупюр? Выходит, мировая общественность заблуждается, свято веря, что всевидящий «Невод» не дремлет и не дает поблажек даже президентам? «Невод» скрывает факты взломов, чтобы со-

хранить репутацию? Будь я журналистом, заработал бы на разоблачении этого заговора молчания большие деньги.

– Но вы не журналист, а теперь один из нас. Да и не дали бы вам взорвать такую бомбу. Не мы, так другие заинтересованные лица.

– Верно. И все-таки я шокирован. Продолжайте, если не трудно.

– Только для вас, Александр, – Владислав указал взглядом на свой смарт. – Сейчас мне пришлют список всех фирм и учреждений, получивших «индульгенцию» на последние два часа. Выделив подозрительные, на мой взгляд, конторы, я сброшу этот новый шорт-лист своим помощникам, а они попытаются вскрыть, а затем проанализировать записи.

– Значит, вы порочны до предела? – Саша усмехнулся. – Мало того, что взламываете системы безопасности спутниковой сети, так еще и обманываете клиентов-невидимок? Рисковая игра. И как это происходит технически?

– В своих умозаключениях вы правы ровно наполовину, Александр. А что касается «невидимости», то она относительна, на серверы «Невода» информация со спутников все равно поступает, и там делаются записи. Просто на серверах эти файлы сбрасываются в закрытую и сверхзащищенную директорию.

– Постойте, это вы иронизируете, когда говорите «сверхзащищенную», или хотите произвести на меня еще большее впечатление?

– Ни то и ни другое. Я говорю совершенно серьезно. Вы поспешили с выводами, господин Барков. Мы ничего не взламываем, поскольку мы вовсе не банда хакеров, делающая деньги на утечках информации из «Невода». Мы те, кто этому препятствует. И, смею вас заверить, весьма успешно. А фокус с «индульгенциями» придуман как раз для того, чтобы снизить вероятность виртуальных атак. Скажите на милость, зачем деловым людям, а уж тем более государственным конторам, связываться с подозрительными личностями, если они могут выкупить часок-другой относительной «невидимости» непосредственно у поставщика услуг?

– У кого?! – Саша замер. – Так вы…

– Да, вся эта красота, – Владислав указал на близкий гостиничный комплекс и окружающий его парк, – принадлежит «Networld inc.». А ваш покорный слуга является начальником Европейского отдела Службы Безопасности этой фирмы, одним из двенадцати помощников президента корпорации господина Михайлова…

Вот теперь Барков действительно испытал легкий шок. Он, конечно, допускал, что в деле участвуют агенты СБН, ведь Владислав не раз намекал на особую важность расследования и непосредственную угрозу, которую несут «Сокол» и Система для существующего миропорядка, так крепко увязанного со спутниковой сетью глобального наблюдения и связи. Но Саша не мог и предположить, что этот вот седой крепкий мужчина такая серьезная фигура в руковод-

стве крупнейшей фирмы планеты.

Информация была настолько поразительной, что Барков переваривал ее до самого гостиничного комплекса. Владислав Валерьевич тем временем наслаждался триумфом. Вернее, он сосредоточенно работал со списком, но по играющей у него на губах улыбке становилось понятно, что он вполне удовлетворен произведенным на подопечного эффектом.

– Теперь многое проясняется и без подсказок «Сокола», – пробормотал Саша, когда они вошли в прохладный холл здания. – Все эти ваши особые полномочия и поддержка ФСБ…

– В первую очередь заговор Главного опасен для «Невода», – как бы объясняя этой фразой все, проронил Владислав.

– Покушение на вашу монополию «всевидения»?

– Не только. Я ведь уже говорил, его Система угрожает безопасности всех государств и людей.

– Масштабно.

– Так и есть. Потому мы и действуем сообща: СБН, ФСБ и военная контрразведка. А в число заговорщиков входят довольно солидные частные фирмы, криминальные структуры и несколько групп высокопоставленных военных и чиновников из Министерства обороны, Минюста, МВД и других госструктур, вплоть до значительной части депутатов в Госдуме. И это только в России. Сколько и каких закордонных организаций замешано в этом деле, не берусь и представить, но уверен, что много и все они очень влиятельны. «Невод» и по-

строенное с его помощью стабильное мировое пространство ущемляют их финансовые интересы. «Networld» губит теневую экономику, выявляя подпольные каналы торговли оружием, наркотрафик, маршруты контрабандистов, работорговцев и засвечивая другие преступные промыслы, а также мешает вести главный бизнес человечества – войну. Подпольные деятели страшно напуганы тем, насколько стремительно беднеют и готовы вкладывать любые деньги в проект Главного. Им позарез требуется ликвидировать «Невод» и вернуть мир во «времена приватности», как они это называют.

– Понятно. Потому вы и возглавляете операцию. Одно неясно: почему вы принимаете такое активное участие в моей судьбе собственной персоной? Разве в СБН мало опытных телохранителей?

– Слишком высоки ставки, Александр. Ваш «Сокол», как выяснилось, не единственный, но подобных биокомпов вряд ли окажется больше трех. Одиночка не успел поставить их производство на поток, а подхвативший эстафету полковник Сухопаров оказался весьма осторожным и предусмотрительным человеком: пока не был найден способ уравновесить машинную и человеческую составляющие «Сокола», он не спешил изготавливать новые процессоры. Так что теперь наша задача проста – найти третий комп, и мы сорвем заговор Главного.

– Третий? А второй?

– А он, я надеюсь, находится здесь, – Владислав Валерьевич вынул из кармана серебристый футляр размером с сигару.

– Вам удалось раздобыть этого «Сокола» в Горной Крепости? Как?

– Так же, как вам удалось оттуда сбежать, – помогла Тамара. Жаль, что третий экземпляр ушел прямо из рук. В этом заслуга вашего знакомца Семенова. Он сумел-таки улизнуть и унести «Сокола-3» с собой.

– Это плохо, – Саша кивнул. – Впрочем, генерал Манилов говорил, что для Системы «Сокол» деталь нужная, но далеко не самая важная.

Владислав, откорректировав список, отправил файл по назначению и закрыл смарт.

– Он блефовал, – седой на мгновение отвлекся и жестом подозвал какого-то долговязого, немолодого мужчину, по виду администратора «клуба», терпеливо дожидавшегося у регистрационной стойки, когда на него обратят внимание. – Без «Сокола» заговорщики не справятся. Вернее, риск будет слишком велик и для них самих. Манилов знает об этом не хуже Главного.

– Насколько я понял, в Системе «Сокол» играет ту же роль, что и полевые стабилизаторы Михайлова в М-процессорах спутников «Невода».

– Примерно так. Извините, Александр, – он обернулся к «администратору». – Очень хорошо, что вы здесь, господин

Лихачев.

– Приехал, не медля ни секунды, Владислав Валерьевич, бросил все дела, – господин Лихачев старомодно поклонился. – Неужели удача?

– Пока трудно сказать, – седой покачал головой. – Вы сможете вскрыть капсулу?

– Безусловно. В двойном стабилизирующем поле эта процедура абсолютно безопасна.

– Отлично. – Владислав протянул серебристый футляр Лихачеву. – Вскрывайте и сразу же доложите мне о результатах.

– Э-э, – Лихачев замялся. – О результатах? В каком смысле? Вы допускаете, что капсула пуста?

– Вполне.

– Будет жаль, – лицо Лихачева разочарованно вытянулось.

– Будет, – седой кивнул. – Не теряйте времени, господин Лихачев, действуйте. Ассистенты уже в лаборатории, допуск для вас открыт.

Как только прямой, будто жердь, Лихачев исчез из поля зрения, смарт Владислава затрезвонил в знакомой тревожной тональности. Новый рапорт седой выслушал молча. Точно так же, не комментируя, он изучил переданную аналитиками картинку. Поскольку в холле никого постороннего не было (да и не могло быть – в самом-то сердце резиденции СБН), Владислав развернул над смартом голографическую проекцию, и Барков тоже смог увидеть снятый спутни-

ком видеоролик. В нем трое серых типов усаживали женщину, весьма похожую на Тому, в один из автомобилей, припаркованных на внешней стоянке. След был отчетливый, но малоинформативный. Сменить машину в ближайшем общественном гараже или на подземной стоянке было плевым делом. При помощи этого нехитрого финта из-под наблюдения «Невода» в свое время уводили и самого Баркова.

Где-то в глубине сознания у Саши снова брякнул все тот же навязчивый колокольчик подстегнутой «Соколом» интуиции. Однако теперь это был не только звук, но и отчетливо воспринимаемое слово: «сходство».

«Сходство… какое-то сходство… При чем тут сходство? Чего с чем? Обстоятельств, методов, событий? Пока непонятно, но что-то такое есть…»

– Чьи это «секретные материалы»? – поинтересовался вслух Барков.

– Не вдаваясь в ненужные подробности, могу сказать, что люди, выкупившие это время и этот квадрат наблюдения, не участвуют в нашем противостоянии. Более того, если бы они участвовали, то были бы на нашей стороне. «Разрабатывать» их не имеет смысла.

– И все-таки это единственная ниточка, – возразил Саша. – Тамару явно похитили. Возникает резонный вопрос – зачем? А за ним тянется немало других вопросов. Например, чем так заинтересовала Тамара похитителей? Ответ «неземной красотой» я отметаю. Тогда чем?

– Ниточка, иголочка, – Владислав Валерьевич задумчиво потер лоб и прошелся по холлу. – Нет, все-таки не сходится. Думаю, Тамара ушла от нас по собственной инициативе.

– Зачем это ей? Вы ведь с ней договорились. Или ваши взаимоотношения не были деловыми?

Владислав взглянул на Баркова с унылой обреченностью: как бывалый космонавт марсианской экспедиции на юного коллегу, желающего самоутвердиться и потому донимающего соседей по летящей в пустоте консервной банке язвительными замечаниями и глупыми подначками. Экспедиция только началась, и впереди долгие месяцы полета, а потому космический волк готовился к худшему: как минимум – сойти с ума, как максимум – остаться на Марсе, лишь бы не слышать всего этого словоблудия на обратном пути. Был, правда, третий вариант – оставить юнца на Красной планете. Вариант, безусловно, наилучший, но наименее реальный. Не то у космического аса воспитание.

От необходимости отвечать Владислава вновь избавил звонок. На этот раз в экранчике смарта возникла растерянная физиономия Лихачева. Барков заглянул в смарт через плечо союзника и понял все еще до того, как долговязый эксперт открыл рот.

– Владислав Валерьевич, контейнер пуст!

– Так я и думал, – седой поднял взгляд на Сашу. – Тамара! Еще когда мы летели из Горной Крепости, я почувствовал, что она сильно напряжена. Она догадывалась, что «Сокол-2»

после гибели первого носителя не вернулся в капсулу, а перебрался в нее. Теперь понимаете, почему Тома сбежала?

– Нет. То есть понимаю – «Сокол-2» из этого контейнера теперь внутри Тамары и она этим напугана. Но я не уверен, что она сбежала. Трое сопровождавших ее типов и заранее выкупленное «невидимое время» свидетельствуют о тщательной подготовке операции.

– А я думаю, Тамара сбежала, поскольку опасалась, что, став носителем «Сокола», автоматически превращается в новый объект охоты для «красных». Хотя, возможно, имеются иные причины.

– Вот именно. Может быть, я ничего не понимаю в ваших делах, но напрасно вы отвергаете такой очевидный факт – все было спланировано заранее, и ниточка тянется к владельцам «индульгенции». Проведите оперативную проверку хотя бы для очистки совести.

– Оперативная проверка не нужна. «Откупленцы» – филиал «Невода» в Штатах. У меня нет причин подозревать коллег.

Саша удивленно уставился на Владислава.

– Вы открываете мне глаза на совершенно невероятные вещи. Американцам разрешено шпионить при помощи «Невода»?

– Это обычный обмен контрольными снимками. Они делают их выборочно здесь, русские – там. Потому «Невод» и гарантирует безопасность всем за счет открытости. И такие

обмены лучше, чем тайный шпионаж.

– Вопрос спорный, но вам, а вернее ФСБ и АНБ, виднее. Однако получается, что Тому увели американцы? Зачем?

– Пока не знаю. Но выясню.

– Ага, вы уже не отрицаете, что коллеги могут быть причастны к бегству Тамары?

– Это может оказаться запутыванием следа. Подгадать или узнать заранее, когда выключится определенный квадрат, и провести операцию, подставив при этом других, – классика жанра. Работа тонкая, но выполнить ее вполне реально.

– Но тогда сделавший это человек должен иметь неограниченный доступ к самым секретным делам «Невода». Ведь чтобы узнать заранее о текущих планах филиалов, следует влезть в главный компьютер. Кто имеет такие полномочия, кроме самого Михайлова?

– Никто.

– Значит, все-таки американцы виновны?

– Если так, игра вышла на новый уровень, – Владислав задумчиво уставился в окно. – Международный.

– Неудивительно. Вы сами сказали – Система угрожает всему миру. Почему американцы должны оставаться в стороне? Им ведь тоже небезразлично, выживет мир или рухнет.

– Они могут все испортить. К тому же обладание «Соколом» – огромный соблазн.

– Соблазн заполучить средство против «Невода»?

– Я уже сказал вам, Александр, противопоставление Системы «Неводу» – первоочередная, но не главная задача заговора. Система – это оружие. Оружие нового поколения. На данный момент – абсолютное, то есть самое совершенное. Вот в чем соблазн. Вы же знаете, как болезненно переживали американцы установленную «Неводом» глобальную демократию. Провозгласив всемирный паритет, мы лишили их полицейской дубинки и громкого звания первой среди сверхдержав. Велики шансы, что они с радостью ухватятся за возможность вернуть себе мировое господство.

– В Штатах тоже есть заговорщики и секретные заводы по производству этого нового супероружия?

– Да, заговорщики есть везде. А заводы… вовсе не обязательно разбрасывать их по всему миру. При нынешнем развитии транспортных сетей доставить «продукцию» в любой уголок планеты не проблема.

– Разве это не накладно? Границы, таможни, расходы на перевозчиков, маскировка…

– Накладные расходы будут минимальными, уж поверьте. В этом и заключается главное преимущество Системы перед устаревшими видами вооружений. Вы поймете почему, когда узнаете всю правду. Придется мне на некоторое время оставить вас под опекой Климова, а также программы защиты свидетелей.

– Полетите в Штаты?

– Для начала.

– Путь неблизкий. Будет время все обдумать.

– Вы на что намекаете?

– А на то, Владислав Валерьевич, что в первую очередь вам стоит спросить себя: откуда американцы узнали, что «Сокол» у Томы? Каким образом они догадались об этом раньше вас?

– Черт! Действительно. Об этом не мог знать никто, кроме самой Тамары.

– И того, кто в свое время, опять же раньше вас, выследил меня. Знаете, что я думаю? Что-то у вас в «Неводе» нечисто, уважаемый начальник Службы безопасности Еврофилиала. Какая-то крыса завелась. Причем она точно знает, как находить «Соколов» среди миллиардов граждан.

– Почему в «Неводе»?

– Потому что «Невод» в обоих случаях не видел момента похищения, – ответил Саша. – И «Сокола-3» ваш всемирный соглядатай до сих пор не нашел. Вы говорили, что мой школьный приятель, стащив третью капсулу, ускользнул от спецназа и подался в горы. А ведь Семенов не мог далеко уйти от Горной Крепости. Без снаряжения по скалам не сильно разбежишься. Так в чем же дело? Третий случай «невидимости» без вашей санкции? Не многовато ли?

– Может быть, вы правы, Александр. Хотя возможны и варианты. Например, Одиночка.

– Нет. Он – Одиночка, и методы у него соответствующие.

Взлом, виртуальная атака, заманивание в капканы и душеспасительные беседы – вот и весь арсенал. Не исключено, что он обладает талантом строить козни, но делает это тоньше. Он никого не похищает. Он подстраивает все так, чтобы нужные люди сами пришли куда ему захочется добровольно. Нет и еще раз нет, Владислав Валерьевич, думаю, все гораздо проще. Крыса в «Неводе». И последнее… Эта крыса и есть Главный…

2. 06 июля, 18 часов 10 минут (время московское)

«За час не успеть». Старший инспектор сюртэ Жан Лесаж немного опустил стекло и выбросил сигарету. Под струями проливного дождя она погасла, не долетев до мокрого асфальта. В центре Парижа за такие вольности с Лесажа содрали бы сотню евро, несмотря на занимаемую должность. Любой постовой, взмокший от пота под своим дождевиком, с натертым кислородной маской лицом и злой от усталости, мгновенно выписал бы мсье инспектору штраф, а после обязательно отдал бы салют.

Все постовые одинаковы. В любой стране. Они убеждены, что за порядком на улицах не следит никто, кроме них и спутников «Networld». Причем если брать Европу, то на переднем крае этой борьбы стоят плечом к плечу именно постовые, ведь когда небо затянуто тучами по триста дней в году, спутники не особенно зорки. Поэтому во всех странах Евросоюза полисмены похожи, как родные братья.

Ну что ж, отчасти они правы. Им достается больше, чем другим, но тут ведь дело не в их личном героизме или особых волевых качествах. Это на войне, куда тебя послали, там и сражаешься. А на мокрых парижских улицах все иначе. Хватило ума лишь на то, чтобы стоять на перекрестке – стой

и не ворчи, а злость за свое скудоумие срывай на жене или любовнице. При чем здесь посторонние граждане, особенно застрявшие в пробке? Им тоже несладко…

Проклятые дожди! Мало того, что они скоро смоют город прямиком во вспухшую Сену, так из-за них приходится передвигаться, как в каменном веке – исключительно по земле. В такую погоду летать категорически запрещено. Впрочем, запреты – дело ненадежное, при желании обойти их – раз плюнуть. Но если бы дело было только в запретах! В такую погоду летать действительно невозможно. Поэтому все вертолеты стоят в ангарах, авиафирмы разоряются, а граждане изнывают в плотных многокилометровых пробках.

«И за два часа не успею добраться, – Жан прикурил новую сигарету. – Но брести пешком по колено в воде и вовсе не выход. Проклятая погода! Тратить два часа на путь домой! Когда такое было?!»

Если задуматься, меньше времени на путь домой инспектор и не тратил. Может быть, лет десять назад, когда над городом хоть изредка появлялось солнце, а движение не было столь интенсивным… Хотя уже тогда попасть в центр Парижа означало встать перед выбором: застрять до глубокой ночи в пробке или воспользоваться метро.

Обгоняя крадущийся по бульвару Денэн автомобильный поток, по тротуару проковылял бездомный. Лесаж, сам того не желая, задержал на нем взгляд. Куда в такой дождь? Не все ли равно, в какой подворотне ютиться? Хотя, возможно, не

все равно. Инспектор тоже мог остаться в Управлении. Поужинал бы в бистро на углу, вернулся, выпил коньяку и улегся на поролоновом диванчике прямо у себя в кабинете. Дома его не ждал никто, как и этого «клоша». И все-таки Лесаж поехал домой. Потому что, в отличие от бродяги, имел этот самый дом. Местечко пусть и неказистое, но свое, родное. С широкой кроватью, сетевой телесистемой, заменившей в большинстве современных жилищ уютный камин, с баром и старым плетеным креслом, в котором так приятно сидеть, листая газету. Да, натуральную бумажную газету. Пожалуй, такая занятная традиция сохранилась, а вернее, возродилась как дань моде только здесь, в старом, добром Париже. Даже в консервативном Лондоне предпочитают просматривать за завтраком «Таймс» в виде сетевой «прокрутки», ползущей по экрану мультисистемы. А французы, как всегда, желают выделиться из серой массы. Законодатели мод, что тут добавить? Жан вдруг осознал, что же показалось ему странным настолько, чтобы обратить внимание на этого бездомного. Мало ли их бродит по парижским улочкам? Много, но не каждый носит под мышкой солидную пачку газет. Раздобыл по случаю и теперь несет к ближайшему мусорному контейнеру, чтобы сжечь и слегка подсушиться у огня? Скорее всего так. Вот только…

Инспектор снова опустил окно и выглянул из машины. По улице – прямой, насколько это возможно в Париже, – расположилось множество заведений, в том числе таких, где мож-

но было купить газеты, но нигде их не продавали по старинке, с лотков. Только из автоматов. Что же получается, бродяга взломал автомат и вытащил заложенную в него пачку? Кражи газет, конечно, дело не для старшего инспектора сюртэ, но что, если клошар вложил взамен нечто иное? Смахивает на паранойю, но теоретический курс борьбы с терроризмом, вбитый в голову еще в школе, а позже закрепленный в академии и сцементированный немалым личным опытом, на первое место ставил гражданскую бдительность. И уж тем более следовало ее проявлять представителям закона. Лесаж негромко выругался и прижал машину к обочине. Теперь ему не светило попасть домой и через три часа.

Поиски вскрытого газетного автомата особо не затянулись. Он обнаружился через два квартала, слева от входа в кафе «Шато-Тьерри». Наверное, хозяин заведения был родом из этого городка, почти полностью затопленного в прошлом году разлившейся Марной.

– Куда вы смотрите? – строго спросил инспектор у охранника.

– А что? – тот поднял на Жана недовольный взгляд.

– Ничего, если не считать вот этого, – инспектор указал на распахнутую дверцу загрузочного отсека. – Разве этот аппарат не в вашей юрисдикции, мсье?

– В моей, – охранник стал совсем недовольным. – А вам-то что, мсье?

– И в моей, – Лепаж вынул из кармана значок. – Потруди-

тесь вызвать полицию.

– Из-за такой мелочи? – Теперь охранник говорил более вежливо. – Не думаете же вы, мсье старший инспектор, что там бомба?

– Почему сразу бомба?

– А чего еще бояться? – Охранник нехотя открыл смарт. – Да и стоит ли поднимать шум из-за мелочей? Кража пачки газет, конечно, преступление, но пока приедет полиция, преступник успеет их сжечь. Такая погода… и пробки…

– Вы хотите сказать, что меньше, чем на убийство, местные полицейские не приезжают?

– Нет, ну если там бомба…

– Вот что, мсье, – Жан почувствовал приступ раздражения. – В автомат заложено взрывное устройство. Я уверен. Если не хотите лишиться работы, вызывайте полицию. Все ясно?

– Да, конечно, – охранник набрал номер. – Правда, я пока вижу лишь следы взлома и… пустоту. – Он наклонился и заглянул в загрузочный отсек. – Так и есть, пусто.

Жан раздраженно махнул рукой и отправился обратно к машине. К черту все! Если людям плевать на собственную безопасность, к черту! И безопасность, и этих людей! И пусть за такое отношение к делу лишится работы он сам, а не этот ленивый охранник. Кому нужна его работа в этом промокшем до нитки городе и во всей этой тонущей, задыхающейся от испарений и пропахшей плесенью стране?

Почти у машины Лесаж немного успокоился и изменил решение. Раз уж не судьба попасть затемно домой, нечего и пытаться. Стечение обстоятельств, оно же рок или по-новомодному – случайная комбинация вероятностей, предлагали вполне очевидное решение. Вечер – это ужин, так почему бы не здесь? Сверля охранника взглядом, старший инспектор неторопливо прошел мимо кафе и через двадцать метров остановился у ресторанчика с легкомысленным, но патриотичным названием «Лекок». На первый взгляд, заведение было приличным. За играющей полупрозрачными рекламными роликами витриной можно было разглядеть крепкие столики под дуб, удобные стулья с высокими гнутыми спинками и грамотно расставленные торшеры. Все стилизовано «под старину», добротно и недешево. Ну что ж…

Инспектор вошел и почти сразу остановился как вкопанный. Аппетит мгновенно пропал. Он потянулся было за сигаретами, но вспомнил, что находится в общественном месте, и дисциплинированно опустил пачку «Галуа» обратно в карман. Слева от входа стояли три газетных автомата, видимо, местные завсегдатаи были большими модниками или, скорее, ретроградами, учитывая обстановку. Но сейчас Жана интересовали не нравы жителей квартала, а состояние автоматов. Все три были открыты, и газеты во всех трех присутствовали только в окошке выдачи. По одному экземпляру на «брата». Лесаж заложил руки за спину и покачался на каблуках.

– Добрый вечер, мсье, – возник за плечом охранник.

– Я вижу, что пренебрежение служебными обязанностями на вашей улице в порядке вещей, – Лесаж показал значок. – Не так ли, мсье?

– Не понимаю, – охранник насторожился, но, проследив за взглядом инспектора, умолк и, вскинув руку, коснулся экрана смарта. – Дежурный? Частная охранная фирма «Мюрат», пост двадцать три пятнадцать, кража из автоматов «Ле Монд»… Что? Нет, не шучу…

Охранник растерянно взглянул на Жана.

– Что-то не так? – Инспектор поднял одну бровь.

– Это семьсот какой-то там случай сегодня, мсье старший инспектор. По всему городу прошла волна краж из автоматов. Такое впечатление, что бумагу начали обменивать на золото по весу.

– Это ваш личный вывод или мнение начальства? – ехидно поинтересовался Жан. – Книжные магазины тоже подверглись нападению банд «бумагоискателей»?

– Не знаю.

– Ну так спросите, пока на связи.

Охранник повторил вопрос Жана и переключил свой «Алкатель» на громкую связь.

– Нет, у букинистов все в порядке.

– Старший инспектор Лесаж, – Жан встал так, чтобы попасть в фокус смарта. – Кого-нибудь задержали?

– Нескольких клошаров, господин старший инспектор, но

они успели раздать почти все.

– Раздать?

– Именно так. Из них очень трудно выжать хоть какой-то вразумительный ответ. Примерная картина следующая: некто нанимал бродяг, чтобы раздавать рекламные листки и газеты, обещал платить по четверти евро за клиента либо за доставку в почтовый ящик. Насчет взлома автоматов речь не шла, но кто-то из «работничков» попробовал, и ему заплатили. Так и началось. Слухи среди бродяг распространяются быстро, хотя вряд ли они пользуются смартами.

– Понятно, – Лесаж задумчиво потер подбородок. – Интересно узнать, как работодатель вел учет? Ведь газеты из автоматов не входили в его планы, однако он оплачивал и эти, так сказать, сверхурочные. И тут же возникает следующий вопрос – зачем? Зачем ему понадобилось оплачивать распространение чужой продукции? Чтобы заставить парижан читать газеты? Акция тайной ложи любителей бумажной прессы? Смысл? Жест отчаяния разоренных Сетью полиграфических магнатов? Тоже слабая версия. Пока вопросов больше, чем ответов или хотя бы догадок…

– Париж видел еще и не такие демарши.

– Это верно, – Жан усмехнулся. – Однажды такой демарш закончился сносом государственного учреждения. В изобретательности по части устроения развлекательных мероприятий нашим гражданам не откажешь. Революции, манифестации, студенческие беспорядки, бессмысленные на первый

взгляд акции – бывало всякое… Беда в том, что, возможно, данный случай лишь выглядит безобидно. Война с газетными автоматами на самом деле может оказаться вовсе не очередной глупой забавой, пришедшей кому-то в голову от сырости и скуки. И если это так, работы у нас серьезно прибавится, мсье дежурный…

– Согласен, мсье старший инспектор. Все можно будет узнать только у зачинщика, но мы пока не установили ни его личность, ни адрес или название фирмы. Все задержанные называют разные районы и описывают разных людей.

– А вот это гораздо хуже, поскольку очень походит на заговор, – Лесаж нахмурился.

– Извините, старший инспектор, у меня срочный вызов, – дежурный откланялся.

– Салют, – Жан кивком разрешил охраннику выключить смарт.

– Заговор? – Охранник неуверенно улыбнулся. – Вы серьезно?

– Еще как… – Инспектор подошел к автомату и достал из портмоне кредитку. – Он включен?

– Да, наверное, – охранник зачем-то заглянул в пустой бункер. – А вообще-то… нет. Пока не закроется дверца…

– Ну так закройте ее, черт возьми!

– Все равно не работает… Вы хотели достать газету?

– Именно так, мсье…

– Поль, – охранник подцепил пальцем бэйдж.

– Достанете?

– Попытаюсь… – Поль присел и почти наполовину влез в недра автомата. – Вот так… сейчас…

Внутри аппарата что-то громко хлопнуло, и охранник, вздрогнув, завалился набок. Глаза у него закатились, а на губах выступила пена.

– А-а, дьявол! – Лесаж присел рядом, перевернул Поля на спину и сильно ударил кулаком ему по груди. – Мадемуазель, прошу вас…

К инспектору подбежала официантка.

– Что случилось?

– Ударило током. Оставьте вопросы. Делайте ему искусственное дыхание, а я буду делать массаж сердца.

– Может быть, вызвать «Скорую»?

– И как скоро она приедет? Делайте, что сказано, мадемуазель!

– Да, да, хорошо, – официантка опустилась на колени и с вполне приличным знанием дела принялась дышать за несчастного Поля методом «рот в рот». Все-таки поголовная «emergency-дрессура» – иначе не назвать – детей во всех школах Евросоюза была не напрасной тратой времени. Все, кто закончил школу в последние пятнадцать лет, прекрасно знали такие вещи, как оказание первой помощи или правила поведения в чрезвычайных ситуациях. Это было вбито буквально в подкорку, туда, где живут рефлексы и нестираемые временем двигательные навыки вроде езды на велосипеде.

Секунд через тридцать любительских, но интенсивных реанимационных мероприятий сердце Поля восстановило ритм, а легкие задышали без помощи Жоли – имя было указано на бэйдже официантки.

– Я… не помню… что произошло, мсье инспектор?

– Вы хотели достать газету, но автомат ударил вас током.

– Током?

– Да.

– Но как?

– Откуда мне знать, Поль, за что вы там, внутри, зацепились? Обычно стандартное напряжение не убивает, но в вашем случае это едва не случилось.

– Я не о том, мсье инспектор. Этот чертов ящик не подключен к электросети. Прежде чем влезть в него, я проверил дважды.

– Поль, – инспектор строго взглянул на охранника, – чудес не бывает.

– Проверьте сами, – Поль с помощью Жоли встал и, едва передвигая ногами, добрался до ближайшего стула.

Лесаж с опаской заглянул в пространство между задней панелью автомата и стеной. Шнур с толстой вилкой болтался свободно. Жан вернулся на исходную позицию и осмотрел автомат с фронта. Ничего особенного. Стекло, щель пошире и подлиннее – для выдачи газет и еще одна, узкая, – сканера для кредиток. Газета под стеклом… «Ле Монд», вчерашняя. Инспектор, по примеру Поля, заглянул в отделение загруз-

ки. В лицо ему тут же брызнула тонкая струйка белых искр. Лесаж отпрянул.

– Вот как! Сопротивление властям? Да что за день сегодня?!

Инспектор почувствовал, что готов взорваться от негодования. Все шло наперекос. Проклятые пробки, внеплановое расследование, тень какого-то идиотского «газетного» заговора, а теперь еще и мистика в стиле «техно» – автомат-маньяк. Ни Поль, ни Жоли, ни подтянувшиеся к месту происшествия посетители даже не успели испугаться или как-то помешать рассердившемуся инспектору. Лесаж выхватил из наплечной кобуры старый верный «глок» и высадил стекло, резко ударив по нему стволом пистолета. Автомат, видимо, понял, что проиграл, и больше никаких фокусов не выкинул. Злосчастная газета перекочевала в руки правосудия так же безропотно. Жан спрятал оружие и как ни в чем не бывало развернул газету. Пробежав взглядом заголовки на первой странице, он пожал плечами и сунул газету в карман куртки.

– Ничего подозрительного? – поинтересовался Поль. – Я сначала, честно говоря, думал, что все дело в какой-нибудь статье, и эта… акция – просто изъятие тиража.

– У нас свобода прессы, – Лесаж покачал головой. – Я все-таки склоняюсь к версии заговора. Такова уж специфика моей работы. Мадемуазель Жоли, для меня найдется столик? Все равно дожидаться полиции, так почему бы не совместить ожидание с ужином?

– Да, конечно, мсье инспектор. Прошу сюда…

…Полиция появилась как раз вовремя. Лесаж закончил ужин и перешел к кофе. Когда к столику приблизился усталый и бледноватый брюнет со значком полицейского инспектора на поясе, Жан как раз вынимал из кармана газету, чтобы за кофе пробежать взглядом вчерашние новости.

«Насколько горькой бывает ирония оксюморона, – Жан хмыкнул. – Вчерашние новости. Из одного ряда с адским холодом, красноречивым молчанием или этим любимым выражением полицейских – „свежий труп“. Абсурдное и грустное…»

– Мсье Лесаж? Добрый вечер, я инспектор Клеро. – Полицейский кивком указал на газету. – Это все, что осталось?

– Нет, одна из трех оставшихся, мсье Клеро, но эта была в автомате-маньяке.

– Где? – Полицейский удивленно поднял брови.

– В том, где разбито стекло.

– Где вы разбили стекло, – уточнил инспектор.

– Да, это так.

– Позвольте?

– Пожалуйста, – Лесаж протянул ему газету.

Полицейский повертел ее, не разворачивая, и бросил на столик.

– Та же история…

– Вы о чем?

– Сами посмотрите, – полицейский потер виски и под-

нял покрасневшие глаза на застывшую неподалеку официантку. – Коньяк, мадемуазель. Вы разрешите, мсье Лесаж?

– Присаживайтесь, инспектор.

Жан развернул газету на середине и пробежал глазами заголовки. Вроде бы ничего странного. Заглянул на последнюю страницу, вернулся к первому развороту, пролистал до конца, снова вернулся и, наконец, сложив, подвинул по столу полицейскому.

– Сдаюсь, инспектор. Что вы имели в виду?

Полицейский усмехнулся и подвинул газету обратно.

– Вот это, – он постучал согнутым указательным пальцем по тому месту, где должно было располагаться название газеты.

Именно должно было располагаться. «Ле Монд» крупно и в голографическом псевдообъеме. Оно там и было, Жан это помнил точно. Было! Во всяком случае, в тот момент, когда он доставал газету из автомата. Теперь же на месте переливчатого названия белело чистое газетное поле, а печатный текст начинался с даты. Лесаж поднял удивленный взгляд на полицейского. Тот, также молча, вынул из внутреннего кармана пиджака еще две сложенные газеты и бросил их поверх «обезличенной» «Ле Монд», так, чтобы Жан мог видеть пустующие места для заголовков.

– Что это значит, мсье инспектор? – выдавил Лесаж.

– Вы из сюртэ, вам виднее, – Клеро развел руками. – Может быть, это идиотская шутка полиграфистов, а может, в

этом есть какой-то иной смысл… или умысел. Мое дело искать взломщиков, а разбираться с этим, – он снова постучал пальцем по белому полю, – не в моей компетенции.

– Я тоже, мсье Клеро, служу не в команде охотников за призраками.

– В любом случае, мсье Лесаж, будь это политическая провокация газетного лобби или попытка массового отравления читателей испарившейся краской, расхлебывать кашу вам. – Полицейский залпом выпил коньяк и поднялся. – Всего хорошего, старший инспектор. Мой номер есть в базе данных…

– Мой там же, – Лесаж вяло кивнул.

«Даже к утру домой не попасть, – мелькнула мысль. – Не надо было останавливаться. Проклятый клошар! Проклятый дождь. Чертова „газетная“ мода…»

* * *

Инспектор полиции Рене Клеро вымотался за день, как собака. Странная история с «обезглавленными» газетами и рекламными листовками взбудоражила всю полицию. С одной стороны, вроде бы ничего страшного не произошло. Ну, завалили город мусором, но не гнилыми же томатами. Да и газеты были не какие-нибудь, бульварные, а вполне пристойные. И рекламные листовки не содержали ничего провокационного. «Пейте такой-то йогурт», «покупайте такую-то тех-

нику», «пользуйтесь услугами такой-то фирмы»… Хорошая бумага, цветные картинки, на некоторых голограммы. Клеро покосился на ворох улик, лежащий на правом сиденье служебного «Ситроена». Обычная макулатура, а столько шума. Если не считать взлома автоматов, ничего противоправного. Однако окружной комиссар буйствовал, как зимний шторм в Ницце, каждые пять минут обзванивая участки и требуя результатов, а лейтенант участка, где служил Клеро, орал на подчиненных так громко и долго, что под вечер охрип. Работать в такой атмосфере было практически невозможно, но мнения инспектора никто не спрашивал. Едва он заканчивал протоколировать одно происшествие, как служебный «Алкатель» заходился уставной мелодией – что-то отдаленно похожее на Грига, только в стиле диковатых современных дансингов, – и Рене мчался на следующий вызов. Некогда было даже перекусить. Глотать на ходу хот-доги, как какой-нибудь американец, Клеро не умел, а потому весь день обходился случайными чашечками кофе с парой круассанов да содержимым карманной фляжки – выдержанным коньяком. Но жаловаться инспектор не привык. Да и некому было пожаловаться. Остальные ребята трудились в точно таком же режиме. И не только на участке Клеро. Казалось, все парижские нищие сошли с ума и затеяли какую-то бессмысленную «вшивую революцию».

Для начала они решили забросать город газетами и рекламным мусором, наверное, чтобы вывести граждан из рав-

новесия. Вторым этапом вполне может стать какой-нибудь марш протеста. Так считало начальство. Инспектор же, опираясь на собственный опыт, считал иначе. Психология пьянчужек примитивна, управлять ими невозможно, а без управления никакого организованного движения не получится. Уже сегодня к вечеру все, кто не загремит в участки, пропьют заработанные на распространении печатной продукции евро и завалятся спать под мусорными баками. Нет, если история продолжится, то ее участниками станут граждане из другого социального слоя. Угадать бы – из какого? Чтобы не мотаться еще и всю ночь, вылавливая, к примеру, студентов, сбитых с пути праведного речистыми провокаторами.

Клеро почему-то вспомнил другую историю, весьма давнюю, но положившую начало одному из глупейших массовых развлечений нынешнего века. В 2003-м или около того в некоторых странах начали появляться небольшие группы людей, которые собирались в общественных местах и поклонялись разным идолам. Именно поклонялись, падая ниц перед самыми идиотскими и не имеющими никакого религиозного значения штуковинами. То перед муляжом динозавра в витрине магазина игрушек, то перед фонарным столбом или афишной тумбой. Продолжалось такое шоу минут пять-семь, а затем все его участники разбегались, как тараканы, до следующего сбора. Он назначался при помощи рассылки на мобильники short massages, в которых и сообщалось время и место очередной акции. Сообщения обычно от-

правлялись не больше чем за час до вылазки, а места никогда не повторялись. Кем отправлялись сообщения, толком не знали даже участники сборища. Этот конспиративный прием и гарантировал участникам акций полную безопасность. Ни полиция, ни кто-то другой даже примерно не представляли, где и когда ждать очередного сбора, а за пять минут, пока «сектанты» кланялись очередному светофору или рекламному щиту, организовать полноценную облаву было невозможно. Если честно, это непросто сделать даже сейчас, во времена глобального спутникового слежения, что же говорить о тех неспокойных и суматошных временах? Но самое смешное заключалось в том, что ни де факто, ни де юре участники этих акций не делали ничего противоправного, они даже не нарушали общественный порядок. Можно было, конечно, притянуть за уши такое определение, как хулиганство, но любой, даже наихудший адвокат выиграл бы дело за пять минут. Выплеснув таким своеобразным способом эмоции, люди расходились, ничего не сломав и особо никого не потревожив. Для Клеро, в то время сопливого школьника, так и осталось загадкой – зачем все это было нужно? Не понял он смысла тех странных забав и позже, когда вырос и стал полицейским. Вернее, он понял, но по-своему.

«От сытой скуки изнывали граждане обыватели. С монстрами в „Дум“ сражаться надоело, а на мотоцикле с ветерком или на резиновой лиане с моста вниз головой – слабо. Но нервы-то пощекотать хочется, вот и нашли развлечение

для трусоватых. Я бы таких слизняков вылавливал и заставлял сыграть в русскую рулетку. Крутанул револьверный барабан, приставил ствол к виску, щелкнул – и свободен. Иди домой, если ноги послушаются. Знали бы тогда, как с полицией в кошки-мышки играть. Навсегда бы шелковыми сделались…»

Инспектор прижал машину к обочине, с трудом втиснувшись между двумя полицейскими «Ситроенами». На этот раз место происшествия выглядело нетипично. В уютном скверике возле церкви на перекрестке Сен-Жермен не было никаких газетных автоматов. Зато повсюду были разбросаны небольшие, с ладонь, рекламные листовки.

«Прямо как в период нацистской оккупации. Но тогда в этом был хоть какой-то смысл… – Рене застегнул куртку и неохотно выбрался из машины. – И распространителей ловило гестапо, а не мы…»

Кроме двух нарядов полиции, в сквере маячили лишь три-четыре парочки под модными клетчатыми зонтами да пожилой собаковод с двумя бестолковыми спаниелями на одном поводке. Оно и понятно, гулять под таким дождем можно, или подчинившись призыву большой любви, или по безальтернативной необходимости.

Приблизившись к месту происшествия, Клеро увидел еще одного любителя прогулок по мокрым аллеям. Правда, он, похоже, отгулял все отпущенные Судьбой минуты и километры.

Завидев инспектора, старший одного из патрулей облегченно выдохнул. Все-таки бывают ситуации, когда начальству рады… Оно и понятно, кто любит ответственность? Никто. Все хотят получать приличное жалованье и ни за что не отвечать… Чертов дождь! Рене накинул капюшон.

– Что у вас?

– Свежий труп, мсье инспектор! Следов насилия нет. Похоже на сердечный приступ, но вы же знаете… – Высоченный темнокожий полисмен развел руками. Получилось убедительно и потому вдвойне обидно: и за бессильную полицию, и за потерянное время. Вызов был явно не по профилю Клеро.

– Очень мило. А где коронеры и криминалисты? Я вам зачем потребовался?

– Дежурный сказал, что листовками занимается ваш отдел.

– И при чем здесь труп?

– У него полные карманы вот этих бумажек, – полицейский протянул инспектору мокрую рекламку.

Листовки такого содержания Рене уже встречал. Среди вороха «улик» их подобралась приличная коллекция. Только… На тех все было так же, только отсутствовала вот эта крупная голографическая наклейка. Клеро повертел бумажку, чтобы рассмотреть голограмму «поглубже». Нет, при таком освещении, да еще под дождем, ничего не получалось. Бросив полицейскому «подождите», Клеро вернулся в ма-

шину.

В свете яркой лампы голограмма выглядела солидной и все-таки какой-то неправильной. Рене никак не мог разобрать, что на ней изображено. Казалось, что глаз не может ухватить структуру переливающейся наклейки, не может сфокусироваться на нужной глубине и ракурсе. Клеро в очередной раз выругался. Очки пора заказывать, что ли? Да нет, вроде бы рановато. Он снова повертел листок, но результат остался тем же. Инспектор поворошил бумаги на соседнем сиденье. Нет, среди них не оказалось ни одной похожей. Вернее, листовка точно такого же содержания отыскалась быстро, но на ней отсутствовала голограмма.

«Тысяча чертей! Зачем шлепать такие печати, если их не разобрать? Нет, чтобы поступить, как нормальные газеты – вывести в объеме название продукта. Красиво и эффективно. Раз дорогие листовки, значит, продукт того стоит. Взять тот же „Ле Монд“, сразу видно – серьезная газета с давними традициями, голограмму названия так и хочется потрогать, такая качественная иллюзия объема…»

Клеро вдруг замер, пораженный внезапной догадкой, и лихорадочно нашарил в ворохе газету из «Лекока». Голограмма? А ведь в этом что-то есть. Нормальный экземпляр «Ле Монд» рядом с этим «слепым» выглядит в точности, как эти две рекламные листовки. Связь? Возможно…

Рене задумчиво взглянул на маячащего перед капотом полицейского.

Исчезающие голограммы? Странно. Что могло произойти с кусочками фольги? Не от сырости же они исчезали? Эта листовка вот мокрая, но непонятная наклейка на ней имеется, а на ее аналог или газету и капли не пролилось, однако они своих украшений лишились. В чем тут дело?

«Пожалуй, пора наведаться к экспертам. Пока не испарилась и эта улика…»

Клеро опустил стекло.

– Принесите еще несколько листовок, желательно посуше.

Полицейский протянул инспектору заготовленную пачку.

«Опытный, – Рене про себя усмехнулся. – Ну что ж, теперь посмотрим, что скажут наши ученые…»

…Путь до экспертного бюро занял ровно пять минут. И дело было не в чудесном избавлении Парижа от дорожных пробок, а просто бюро находилось на улице Сен-Бенуа, в двух кварталах от места происшествия. Несмотря на поздний час, нужный инспектору специалист оказался на месте и с подозрительным энтузиазмом взялся за дело.

– Удивительно, Рене, просто потрясающе! – вынырнув через некоторое время из нагромождения каких-то приборов, заявил эксперт. – Эти голограммы на самом деле просто чудо высоких технологий! Куда там спутниковой сети с ее М-процессорами!

– Ты имеешь в виду «Networld»? – Клеро насторожился.

– Именно так, Рене! Можешь считать, что с ним покончено! Если, как ты утверждаешь, это находят повсюду, дни гос-

подства «Networld» сочтены! Да и не только «Networld»… Впрочем, спутники-то могут как раз пригодиться, для согласования и управления, а вот все остальное… Грядет такая революция, ты себе не представляешь!

– Революция? – Инспектор нахмурился. – Ты уверен?

– Я говорю о научно-технической революции, понимаешь? Ну, в конце прошлого века была первая, теперь, похоже, наступает вторая!

– Наступают времена, а революции… – Рене покачал головой. – А революции проносятся ураганами. И, как любой ураган, крушат все без разбора.

– Да ты философ, Рене! – Эксперт рассмеялся.

– Я прагматик, Азим. А еще я полицейский. Люди моей профессии меньше всего любят революции. Любые, даже бархатные или научные.

Клеро открыл смарт и, немного поразмыслив, набрал номер сюртэ. Когда ему объяснили, что делом о «газетном заговоре» занимается только старший инспектор Лесаж, Рене ничуть не удивился. Ведь в сюртэ пока не подозревали, что какие-то там газетные заголовки и голографические наклейки на рекламных листовках несут информацию о надвигающейся революции. Вот когда они об этом узнают… Тогда, возможно, единственной, кто НЕ занимается «газетным заговором», будет секретарша их шефа. Пока инспектор беседовал с сюртэ, Азим успел сделать какое-то новое открытие, о чем и возвестил испуганным возгласом:

– Рене! Смотри скорее! Эта голограмма исчезает на глазах!

– Как это? – Клеро подался вперед.

Наклейка действительно стремительно таяла, сжимаясь, как шагреневая кожа. Спустя четверть минуты от нее не осталось ни следа, ни пыли.

– Ну, что я говорил?! – торжествующе воскликнул Азим. – Революция! Я пока не знаю, какая у них программа, но обязательно выясню, и тогда…

Закончить мысль эксперту не дал оглушительный хлопок, раздавшийся у него за спиной. Рене невольно пригнулся, а рука нырнула за пазуху. Стрелять было не в кого, и Клеро оставил теплую рукоятку пистолета в покое. Судя по дымку и характерному запаху горелой изоляции, испортился какой-то из приборов.

– Что-то замкнуло? – Инспектор бросил взгляд на Азима.

Эксперт судорожно вдохнул, закатил глаза и рухнул на руки Клеро.

– А-а, дьявол! – Рене аккуратно положил Азима на пол лицом вниз.

По белому халату эксперта вокруг торчащего из спины корявого куска железа расползалось красное пятно. Определить, насколько глубоко вонзилась эта штуковина, Клеро не мог, но, судя по хриплому, поверхностному дыханию и пробежавшим по телу эксперта судорогам, достаточно глубоко, чтобы убить его на месте.

– Охрана, вызвать медиков! – во всю глотку заорал Рене, подняв взгляд к зрачку камеры внутренней безопасности. – Потерпи, Азим, надеюсь, они нас увидели и услышали.

– Уходи… – еле слышно прохрипел эксперт. – Здесь… опасно…

– Что? – Клеро наклонился к его лицу.

– Опасно…

– Ничего, я не боюсь. Я останусь с тобой. Не разговаривай, береги силы.

– Ты не… понимаешь… Опасно… знать…

– Знать? Что ты имеешь в виду? – Рене спохватился и сжал его плечо. – Погоди, не отвечай. Еще успеем поговорить.

Медики прибыли достаточно быстро. Когда Азима увезли, в лаборатории, кроме Клеро, задержались еще двое инспекторов из криминального отдела.

– Что здесь произошло, Рене? – удивленно осматривая приборы, спросил один. – Как эта железка могла продырявить Азима? Сработала мини-бомба?

– Не знаю, Али, – Клеро бросил хмурый взгляд на развороченный прибор. – Если хочешь, вызови саперов.

– Да тут и без саперов все ясно, – лениво процедил второй следователь. – Нарушение правил эксплуатации. Несчастный случай по халатности. Он же тут неделями пропадал, не выключал ничего. Какая аппаратура выдержит такое издевательство? Так, Клеро?

– Не знаю, – Рене как бы невзначай перевернул несколько листовок, по-прежнему лежащих на рабочем столе Азима. – Пока не знаю. Но выясню.

Голограмм больше не было ни на одной.

– Да брось ты, Рене! Ты, наверное, уже сутки на ногах? Ехал бы домой, отоспался.

– Спасибо, Франсуа… – По лицу Клеро было видно, что он хотел ответить резко, но в последний момент почему-то передумал. – Так я и сделаю.

Он отдал салют и вышел из лаборатории.

– Как думаешь, куда он поехал? – по-прежнему с ленцой в голосе спросил Франсуа.

– Думаю, на встречу с Лесажем. Им теперь есть что обсудить.

– Может, посоветовать Системе «исправить» тормоза в его машине?

– Не стоит, Франсуа. Единственный, кто был опасен для Системы, – Азим. Но теперь он вне игры. А Лесаж и Клеро… пусть расследуют. Все равно ничего у них не выйдет. Исследовать агломераты они не смогут, для этого требуется понимание темы и аппаратура. Да и не останется скоро ни одного агломерата, инсталляция выполнена на шестьдесят восемь процентов. А гоняться за призраками эти двое могут хоть до пенсии. Ну и, в конце концов, убрать их никогда не поздно. Сейчас важнее удержать ситуацию под контролем и точно в срок запустить программу синхронизации. Главный по-

ставил жесткие сроки. Расчетное время первых тестов – 14 июля, полной готовности – 6 августа.

– Сколько символизма, – заметил Франсуа. – День взятия Бастилии и день бомбардировки Хиросимы.

– Да? Не знал. Но нам важно уложиться в срок. Иначе… сам знаешь. Так что, мсье символист, хочешь не хочешь, надо успевать.

– Да, с Главным лучше не шутить, – Франсуа вздохнул. – Пойдем перекусим?

– А это? – Али кивком указал на покореженный прибор.

– А кто натворил, тот пусть и разбирается. Поставь задачу хозяйке этих умников, пусть сделает так, чтобы моя версия подтвердилась: перегрев, перегрузка, замыкание, небольшой взрыв. Несчастный случай, если короче.

– Хм, – инспектор потеребил мочку уха. – Задачка… Ладно, попробую ей объяснить.

Он взялся за смарт, но передумал.

– Что? – Франсуа вопросительно наклонил голову.

– В бистро будет удобнее. Идем, пока дождь утих.

Дождь над Парижем действительно прекратился, но ненадолго, словно лишь для того, чтобы немного отдохнуть и продолжить свое мокрое дело, обрушившись на старые брусчатые мостовые и новейшие пластиковые крыши с новой силой. Так или иначе, передышкой воспользовались не только забывшие зонтики пешеходы, но и авиатранспорт. Сколько самолетов успело взлететь из аэропортов Орли, Бурже и

Шарль де Голль за время «сухой пятиминутки», знают лишь диспетчеры, но то, что на борту каждого имелась хотя бы одна пачка свежих парижских газет, это точно…

3. 06 июля, 16 часов 30 минут

– «Париж открыт, но мне туда не надо», – пробормотал Семенов и, щурясь, окинул взглядом пронзительно синее небо. – Где же наш "Аэрофлот" застрял?

– А что Париж? – Аслан утер со лба крупные капли пота. – И в Париже люди живут. Арабы и армяне в основном…

– Что-то ты бредишь, – Семенов устало сел на горячий камень и вытер лицо, только не рукавом, а подтянув борт пиджака. – Французы там. Париж ведь.

– Ну да, – Аслан усмехнулся. – Вы на профили их посмотрите. Мне один авторитет рассказывал: половина Армении у нас, а вторая – там, в Париже, гостит. В Ереване уже почти никого не осталось, одни французы на отдыхе. Их европейская погода достала, вот они на солнышко и сползаются. Ну и оседают потихоньку, смешиваются. Переселение братских народов происходит – «погостить насовсем». Такая вот жизнь пошла в конце первой четверти нового века. А вообще-то…

Он махнул рукой, но не затем, чтобы подкрепить жестом свою антропологическую теорию, а устало, будто бы сразу на все: и на жизнь, и на парижских армян, и на антропологию.

– Надо будет съездить проверить, – пытаясь взбодрить больше себя, чем не особо нуждающегося в этом телохранителя, заявил Семенов.

– Вот только спустимся с гор… – Аслан приложил руку ко лбу козырьком и оценил пройденный путь, а заодно лишний раз убедился в отсутствии погони. – А что, я бы поехал. Хоть там и дожди круглый год, а все равно интересно. Елисейские Поля, Версаль, «Мулен Руж»… Дадите отпуск на недельку?

– Если спустимся, – Семенов уныло вздохнул. – Пешком можем и не дойти. Вниз, не до Парижа.

– Спустимся, – Аслан облизнул пересохшие губы. – Вот только вертушки прилетят. Я нашему местному филиалу запрос послал еще из Крепости.

– Местные без санкции Хозяина не пошевелятся, а Бобров арестован, – Семенов вытряхнул камешек из модной туфли. – И на мой запрос что-то никто не откликнулся. А волкодавы спецназовские уже наверняка наш след взяли. Похоже, встряли мы.

– Нет, босс, тут другое, – уверенно возразил Аслан. – В нашей местной конторе мой двоюродный брат замначальника охраны. Он меня не бросит. Только если найти не сможет. Неужели «Невод» снова ослеп, как тогда, с «Ил-200» и Барковым вашим?

– А тебе оно надо? Ведь первыми не спасатели прилетят, а «красные». Им ближе. Снова зону топтать отправят, не боишься такой перспективы?

– Лучше на зоне попариться, чем тут подохнуть. Но это не про нас, босс, я выведу. Если часа три форы у нас будет, выберемся.

– Три часа! Тут пехом три дня спускаться. Без жратвы еще ладно, не проблема, а вот без воды…

– Давайте выйдем к речке и спустимся в долину вдоль нее, – Аслан продемонстрировал смарт, в котором высвечивалась подробная карта местности. – Правда, километров через десять она со стены падает, не пройдем там, но обход больше шести часов не займет.

– «Невод»? – кивком указывая на машинку, заинтересовался Семенов. – Раз работает на связь, значит, и нас видит?

– Карту я еще вчера на подходе закачал, – возразил телохранитель. – Но на связь, думаю, лучше нам все-таки не выходить. Вдруг и вправду не видит нас пока Всевидящее Око? Чем Иблис не шутит? Тогда выходит, лучше потерпеть мало-мало и не отсюда, а с безопасного удаления помощь вызвать.

– Не вечно же такой фарт будет нам катить, – Семенов покачал головой. – Рано или поздно засечет нас «Невод», и тогда конец.

– Можно вернуться, – резко бросил Аслан. – Или сразу в пропасть.

– Не варианты…

– Ну а чего вы тогда ноете?! Простите, босс, вырвалось…

– После припомню, – Семенов отреагировал на резкость Аслана вяло, практически никак. Горячий абрек был прав, и босс это отлично понимал. Ныть не следовало, это не приносило облегчения и никак не влияло на ход событий. Следо-

вало шевелить мозгами и делать ноги. Еще Семенов хорошо понимал, что «спутниковая сеть глобального обнаружения» видит беглецов и все надежды на обратное – самообман. Но вместе с тем он не собирался возвращаться в захваченную спецназом Горную Крепость и сдаваться на милость победителям, поскольку знал еще кое-что. Кроме двоюродного брата Аслана, вертушку по души беглецов должен был выслать кое-кто другой. Просто обязан был выслать. Пусть Семенов не оправдал оказанного ему высокого доверия, но треть задания он выполнил. Не ахти какой результат, конечно, но почетную эвакуацию босс заработал. Без сомнений. Оставался открытым вопрос: знает ли наниматель о частичном успехе кандидата на пост нового Хозяина? Обычно Главный самодовольно подчеркивал, что он в курсе всего, имеющего отношение к его делам. Один из трех «Соколов» такое отношение имел. А лежала капсула со всемогущим мини-компьютером в кармане у Семенова. Чем не причина выслать за боссом вертушку? Впрочем, Главный мог поступить проще. Дождаться, когда Семенов сдохнет среди голых скал, и забрать «Сокола» в более удобное время – когда поблизости уже не будут разгуливать толпы спецназовцев, кружить боевые вертушки, и «Невод» перестанет уделять этому сектору повышенное внимание, рассматривая прямо из космоса через свои мощные телескопические объективы каждую подозрительную букашку. Такой вариант нравился Семенову меньше всего, и босс очень надеялся, что он наименее

вероятен. Все-таки этот мини-комп такая ценность! Нельзя же оставлять его вот так, в кармане у трупа, в безлюдных горах, где не появляются даже местные жители и тело босса-неудачника может проваляться сто лет в полнейшей неприкосновенности…

Вот именно. При таких условиях еще как можно! Семенов зажмурился и встряхнул головой. Все, стоп! Прочь, гнилые мыслишки! Главный не оставит. Ему нужен и «Сокол», и новый Хозяин в осиротевшую фирму «черных». Семенов доставит высокому начальству искомую ценность и в качестве поощрения получит вакантное место. Вот этого позитивного сценария и следует придерживаться. Так и будет…

Семенов почти убедил себя, что снова бодр, циничен и полон сил. Он решительно встал с камня… и тут же сел обратно. С северо-запада, со стороны Горной Крепости, едва не задевая оружейной подвеской верхушки скал, приближался размалеванный серыми и коричневыми пятнами штурмовой вертолет. Звезд на его бортах Семенов не видел, поскольку машина шла прямо на него, но они там были – красные с золотыми контурами, это точно. Все-таки военные нашли беглецов быстрее спасателей из местного филиала. И это был полный провал…

– Уходи, абрек, – Семенов поиграл желваками. – Чего зря подставляться. Отсидишься в горах, потом, когда шум уляжется, пристроишься где-нибудь…

– Я вам не сука вроде Мамонта! – вскипел Аслан, прове-

ряя магазин «глока». Было там негусто, но телохранитель и бровью не повел.

– Ты собрался сбить штурмовик из этой хлопушки? – вдруг донесся непонятно откуда чей-то насмешливый голос.

Аслан завертел блестящей от пота бритой головой, но никого поблизости не обнаружил. Тогда его взгляд переместился на босса и упал на смартфон. Экранчик машинки был пуст, но голос шел явно из нее. Раньше телохранитель с такими фокусами не сталкивался и потому вопросительно уставился на Семенова.

– Господин… Главный? – Семенов согнул руку и взглянул на темный экран смарта.

– Позже, господин Семенов. Все комментарии позже. А сейчас надевайте пояса и поднимайтесь на борт штурмовика. Время дорого…

Босс запрокинул голову и обнаружил, что с борта вертушки к нему спускается трос с двумя страховочными поясами. Все-таки расчет был верным, Главный пожелал получить ценный груз безотлагательно.

– Парижа не гарантирую, но с гор мы спустимся, – приободренный Семенов похлопал Аслана по плечу.

– Ну да, – телохранитель хмыкнул и взглядом указал на эмблему, украшающую, помимо звезд, борт вертушки. – Прямиком в зиндан.

Машина оказалась не армейской. Эмблема – черный силуэт хищной птицы в бордовом круге – четко указывала на ее

принадлежность Внутренним войскам. Скепсис Аслана, отсидевшего в свое время под охраной этих самых войск пять лет, был понятен, но необоснован. Главный был волен задействовать любые связи в любых кругах и структурах, и, видимо, вертушка вэвэшников в данной ситуации стала оптимальным вариантом. Ничего особо удивительного или тревожного.

Когда двое хмурых членов экипажа помогли поднятым на борт «черным» освободиться от поясов и усесться на жесткой лавке, смарт Семенова снова «ожил».

– Теперь слушайте внимательно, – строго проговорил Главный. – В аэропорту, у стойки регистрации на московский рейс, вас будет ждать мой человек. Получите у него документы и деньги. Затем зарегистрируетесь, но в Москву не полетите. Человек проведет вас через погранконтроль в закрытую зону и посадит на чартер. Все ясно?

– Да, только… куда мы полетим?

– И как узнаем этого человека? – негромко подсказал Аслан.

– И как мы узнаем вашего человека, господин Главный?

– Пункт назначения вы узнаете в самолете. А человек подойдет к вам сам. Вот его фото.

Смарт пискнул, выбросил на экранчик фото, и связь прервалась.

– Ну вот… – Семенов хмыкнул. – Ты же хотел в Париж…

– Я хотел в отпуск, – Аслан с сомнением покачал голо-

вой. – А если по делам, то без разницы – Париж или Нью-Йорк, все равно не расслабишься.

– Нью-Йорк? – босс задумчиво взглянул в иллюминатор. – Ничему не удивлюсь… Там тоже есть армяне?

– Они везде есть, – Аслан вдруг как-то напрягся и продолжил, тщательно подбирая слова: – Босс, я понимаю, это не мое дело… но… что на самом деле происходит? Кто этот Главный и почему мы должны лететь за кордон?

– Главный это… Главный, Аслан, – Семенов так и не оторвал взгляд от синевы за иллюминатором, – это тот, кто играет партию. И мы у него в качестве пешек.

– Ну, вы-то, гляжу, этим… ферзем заделались, – с нотками искреннего уважения произнес Аслан. – Хозяин.

– Догадался? – Семенов взглянул на телохранителя искоса. – Да, теперь я вместо Бобра. Его Главный разменял. Но только это не ферзя место, а слона или коня, и пока, признаюсь тебе, как родному, я ничего в этой партии не понимаю. Знаю лишь, что вляпались мы по-крупному. Видишь, какой размах, уже и за большим бугром дела начались…

– И все из-за «Сокола»? – удивился Аслан.

– Нет, не думаю. «Сокол» в этой дерьмовой бомбе вроде детонатора. Деталь ключевая, но заменимая. Тут в другом прикол. Игра какая-то идет, Аслан. Большая игра. И на такие бабки, что нам не приснятся никогда. В этом суть, в это надо вникать. А технические детали вроде «Соколов» и прочей дребедени – это декорации. На них можно вечно смотреть и

ничего не увидеть. Только ты никому…

– Обижаете, – телохранитель прижал руку к сердцу, вернее, к проступающей под пиджаком рукоятке пистолета. – Я всегда на вас ставил, ну, в смысле, с понятием я.

«Ну да, с понятием, – Семенов мысленно усмехнулся. – Потому что фарт со мной тебе катит. А если б отвернулась тетя Фортуна, ты меня бы первым грызть начал. Удержись Бобров в своем кресле да скажи тебе „Фас!“ – вцепился бы в глотку хуже собаки…»

– Помнишь, как с Худым в Нальчике толковали?

– А то?!

– Если запахнет жареным, действуем по той же схеме.

– Все-таки не доверяете этому… Главному?

– Не в том вопрос, – показывая, что все комментарии позже, Семенов прижал палец к губам и покосился на безучастных сопровождающих. Слышать они ничего не могли, поскольку сидели на лавке у противоположного борта, но читать по губам – вполне. Этой нехитрой науке обучают в любой спецназовской «учебке». А то, что эти двое «вертолетчиков» закончили не филологический факультет, было написано у них на лицах.

Аслан все понял и до самого аэропорта хранил молчание, изредка обмениваясь с конвоирами оценивающими взглядами. На глаз определить уровень подготовки этих двоих, конечно, не мог даже такой опытный начальник охраны, как Аслан, но какие-то выводы он, видимо, сделал. И когда вер-

тушка села на резервной площадке аэродрома, ему выпал шанс убедиться в их правильности.

В момент посадки обстановка на аэродроме казалась вполне спокойной и обыденной. Самолеты выруливали на взлетные полосы, терпеливо выстраиваясь в очереди наподобие толстых рыбин, идущих по узким светящимся речкам на нерест. Интервал между взлетами и посадками составлял не больше трех минут, но каким-то чудом, а если точнее, благодаря четкой работе диспетчеров, ни пилоты, ни работники наземных служб не совершали ни одного лишнего движения. Бесконечный конвейер работал без сбоев. Воздушное пространство в стороне от взлетно-посадочной зоны тоже гудело моторами, а к тому же еще и свистело винтами – над вертолетными площадками движение было таким же интенсивным и отработанно будничным. Любой чужеродный элемент в этом только кажущемся сумбурным море людей и машин бросился бы в глаза даже человеку несведущему, но ни экипаж, ни пассажиры заходящей на посадку вертушки ничего и никого лишнего не увидели. Вертолет коснулся колесами «яблочка» отведенной диспетчером площадки, и двигатели тут же сбросили обороты. Один из сопровождающих открыл дверь и выглянул наружу. Примерно минуту он изучал обстановку теперь уже в привычном, наземном, ракурсе и наконец кивнул.

– Пошли!

Аслан подался вперед, ненавязчиво оттеснив босса от две-

ри, но тут же отпрянул.

– Что-то не так, босс! Эй, за штурвалом, взлетай!

– Ты чего? – удивился Семенов. – Кого узрел?

– Две машины от большого ангара едут, видите? Это спецназ, зуб даю!

– Высаживаемся! – Семенов принял решение мгновенно. Пусть он не имел такого богатого боевого опыта, как телохранитель, но соображал быстро. Оставаться в вертушке, которой вот так с ходу никто не даст добро на взлет, было опасно. Принимать бой, прячась в дюралевой коробке, – смертельно опасно. Оставалось лишь бегство, причем в прямом смысле – ногами по земле.

«Черные» выпрыгнули на бетон и, пригибаясь, отбежали подальше от вертушки. Угрюмые «вертолетчики» оказались рядом.

– Приказано сопровождать до посадки на чартер, – коротко пояснил тот, который первым выглянул из вертолета.

– Будет жарко, – предупредил Аслан, в очередной раз смерив бойца оценивающим взглядом.

– В курсе, – провожатый вынул из-за пояса «гюрзу». – Идите между площадками вон туда, к метеобашне. Сразу за ней начнется чартерная зона. На восьмой стоянке вас ждет «Гольфстрим-Трансатлантик». Мы прикроем.

– Ого, целый «Гольфстрим»! – Аслан усмехнулся. – Да еще новейшей модели. Точно, в Нью-Йорк полетим.

Семенов кивнул провожатому и двинулся в сторону баш-

ни. Времени на рассуждения о щедрости нового непосредственного начальства не оставалось. Теперь босс и сам увидел подозрительные машины, рисково игнорирующие аэродромную разметку и маневрирующие между грузовыми карами, «техничками» и заправщиками.

Не прошло и десяти секунд, как беглецы надежно затерялись среди персонала и под прикрытием вертолетных туш, а также всевозможной вспомогательной техники благополучно покинули опасную площадку. Погони вроде бы не наблюдалось, но в реве и грохоте услышать любые подозрительные звуки было невозможно, а увидеть преследователей мешали все те же вертушки. Будь Семенов сейчас в положении преследователя, а не жертвы, он бы поступил предельно просто – вызвал бы со своего смарта «Невод» и запросил живую картинку окружающей местности: крупный план под углом в сорок пять градусов с расширением поля зрения до пятисот метров. Получился бы отличный вид, практически без искажений и помех, ведь снимали бы сразу несколько спутников космической сети, а затем наземный сервер «Networld» обработал бы картинку и выдал ее абоненту. На проекционной голограмме смарта это выглядело бы как кино, снятое с хорошим разрешением, с высоты второго-третьего этажа.

Но сейчас Семенов находился в шкуре жертвы и обнаруживать себя ему было невыгодно. Он уже не обольщался насчет сопутствующей ему в последний час удачи. Она оказалась иллюзорной. Но все-таки босс на нее надеялся.

– Выходит, видел-таки нас «Невод», – озвучил Аслан сомнения Семенова. – Раз «красные» бойцов сюда прислали.

– Может быть, – босс пожал плечами. – А возможно, это просто подстраховка. Они решили перекрыть ближайшие аэродромы, а тут мы, как живые. Стандартная процедура.

– Ну да, – телохранитель хитро прищурился. – Вы видели, какие тут площади? Если наобум прочесывать – за сутки не управишься, да еще двумя машинами. А они нашли нас в этом муравейнике за минуту, мы и приземлиться не успели.

– Однако мы все-таки приземлились и даже успели удрать, – Семенов махнул рукой. – Так что тот, кто нас от «Невода» прикрывает, свою задачу выполнил. Мы пока живы и на свободе. И хватит версии сочинять. Не все гладко, это факт, но ведь мы не с клубом ролевых игр тягаемся, а с армейским спецназом, у них все ситуации просчитаны. И сейчас нам важен результат. Пока мы на шаг впереди… Вон чартерная зона, считай стоянки.

– Я «Гольфстрим» и без счета вижу. Он среди «аннушек» и «тушек» как лебедь в утином пруду. Поднажмем?

– Сразу не пойдем, – Семенов придержал Аслана за рукав. – Осмотримся. Думаешь, эту птицу никто до сих пор не приметил? Военные вполне могли сообразить, кого она ждет, и посты выставить.

Долго осматриваться не стали. В ту же минуту, когда они миновали третью стоянку, на которой дремала видавшая виды двести четвертая «тушка» каких-то там урюпин-

ских авиалиний, слева от метеобашни началась возня. Определенно сказать, что там творится, Семенов не мог, но ему хватило самого факта нездоровой активности в абсолютно не предназначенном для этого месте. В тот момент, когда беглецы добрались уже почти до борта «Гольфстрима», активность переросла в ажиотаж с элементами фурора. В районе башни определенно стреляли – злое тявканье пистолетов и короткие трещотки автоматов пробивались сквозь аэродромный гул, как иголки сквозь плотную ткань: нехотя, но остро. А еще над метеобашней зависли две армейских вертушки. Они не стреляли, но лишь до поры.

Пока Семенов оглядывался на метеобашню, Аслан успел изучить обстановку вокруг самолета. Засады рядом с ним не оказалось.

– В целом все спокойно, но что нас ждут и готовы вывезти за тридевять земель, я бы не сказал, – озадаченно потирая бритую голову, сказал Аслан. – Люк задраен, двигатели холодные. Может, вертолетчик что-нибудь перепутал?

– Господин Семенов, – голос доносился откуда-то издалека, но человек не кричал. Босс некоторое время вертел головой, а затем догадался взглянуть на экранчик смарта. Иллюзия, что человек далеко, создавалась по причине маломощности звуковой панели приборчика. На связи был не Главный, как ожидал Семенов, а «встречающий». Он маячил на фоне стойки регистрации в аэропорту.

– Слушаю вас.

– Планы изменились, господин Семенов.

– Это я понял. Мы уже рядом с чартером.

– Нет, они изменились радикально. Вы не полетите самолетом. Истребителям эскадрильи охраны аэропорта приказано вас сбить, если вы попытаетесь уйти воздушным путем. Прошу немедленно прибыть в четвертый багажный терминал. Это слева от вас, видите синее здание метрах в пятистах к югу?

– Видеть-то видим, – пробормотал Аслан, кивком указывая боссу на приближающиеся со стороны метеобашни машины. – Они ездят быстрее, чем мы бегаем.

– Вперед! – Семенов выключил смарт и бросился к длинному синему ангару, или терминалу, – в этот момент ему было все равно, как назвать огромное металлическое строение, лишь бы там можно было укрыться от преследователей.

Над головами беглецов прошли армейские вертушки. Строгое аэродромное начальство не позволяло воздушным охотникам врезать от всей души и попортить асфальт, пригвоздив к нему «дичь» парой точных пулеметных очередей, но оставило пространство для маневра, отменив все вылеты и посадки в вертолетной зоне аэродрома. Одна из вертушек развернулась и зависла на высоте полутора метров, преграждая путь к терминалу. До вертолета оставалось не больше ста шагов, и беглецы притормозили. Из распахнувшейся двери вертушки выпрыгнули четверо бойцов в камуфляже и с автоматами в руках. Между ними и «черными» оставались

небольшие препятствия в виде длинного багажного автопоезда из пяти тележек, прицепленных к электрокару, и двух машин технической службы, но автопоезд медленно уезжал влево, а «технички» разворачивались, намереваясь убраться подальше вправо, и потому счет шел на секунды. Через четверть минуты беглецы могли оказаться лицом к лицу с бойцами. Что из этого выйдет, предположить было несложно. Носом в асфальт, руки за голову, ноги как можно шире… Семенов представил, как его, еще вчера одного из хозяев жизни, пинают под ребра дуболомы в тяжелых армейских ботинках. Перспектива была безрадостной. Босс шарахнулся влево и в стремительном рывке догнал автопоезд. Аслан почти не отстал. Они запрыгнули на тележку и вцепились в страховочную сеть, перетянувшую наваленный с горкой багаж. Оставшаяся в воздухе вертушка тотчас зависла над электрокаром. Перепуганный водитель нажал на тормоз. Как только скорость движения автопоезда упала до скорости пешехода, Аслан спрыгнул с тележки. Он в несколько прыжков нагнал кар и запрыгнул на сиденье рядом с водителем. Пистолет у скулы показался шоферу страшнее зависшего над головой вертолета, и автопоезд снова набрал скорость. До заветного терминала оставалось каких-то двести метров. Сесть у его ворот вторая вертушка не могла, там было слишком много техники, но спецназовцы и не пытались повторить провалившийся трюк. Наперерез электрокару уже мчались машины наземной группы, а вдогон беглецам полетели пули. Четве-

ро бойцов из первого вертолета, тщательно целясь, обрабатывали удирающий составчик одиночными выстрелами.

Семенов попытался переползти в промежуток между тележками, чтобы укрыться от пуль за горой чемоданов, и едва не свалился под колеса. Все-таки для любых трюков нужна подготовка, а спорт Семенов никогда не любил. Позубоскалить – пожалуйста, а надрываться, чтобы иметь эффектное отражение в зеркале, – увольте. Для чего? Чтобы бабам нравиться? Для этого хватит дорогого костюма и толстого кошелька. Адреналином накачаться? Тоже невеликое удовольствие. Уж лучше коньяком. А что когда-нибудь попадет в переделку, где потребуется удирать с элементами акробатики, Семенов не мог даже представить. Однако же попал…

Автопоезд заложил резкий вираж, тележку встряхнуло, и у босса клацнули зубы. Очень близко что-то звякнуло, и Семенов заметил, как в сторону отлетела блестящая деталь, наверное, защелка от чемодана. Если бы тележка не вильнула, пуля могла попасть не в чемодан, а точно в спину боссу. От такой мысли внутри у Семенова похолодело. Он неожиданно для себя заработал руками и ногами и перебрался на предпоследнюю тележку автопоезда.

«Кончится все, сразу же пойду в спортзал… И на айкидо запишусь, как Барков… Никогда не поздно…»

Перед каром резко затормозил армейский «Тигр», и автопоезд застонал всеми сцепками. Семенова прижало к чемоданам, а затем потянуло вниз, в промежуток между телегами.

Он бессильно царапнул холеными ногтями по борту тележки, больно ударился плечом о сцепку и рухнул на асфальт, прямо под левое переднее колесо последней телеги. От страха босс крепко зажмурился и задержал дыхание, подсознательно надеясь, что это позволит выдержать тяжесть накатывающегося колеса, но… ему повезло и на этот раз. Телега остановилась, едва коснувшись плеча незадачливого ездока гладкой, лишенной протектора шиной. Семенов суетливо задергал ногами и, совершив как минимум сотню лишних движений, выбрался из-под телеги.

Сначала он подумал, что лучше бы ему остаться под автопоездом – спецназ взял беглецов в клещи, – но очень скоро Фортуна улыбнулась Семенову вновь.

Вернее, сначала босс пережил самый большой стресс за всю свою жизнь. В один миг ему стало гораздо страшнее, чем минуту назад, под колесами автопоезда. Ведь лежа там, на асфальте, он мог надеяться на то, что телега все-таки остановится, а вот ударившая в грудь пуля никаких надежд не оставляла. Вернее, Семенов мог бы надеяться на бронежилет, но, если честно, легкий «броник» третьего класса защиты не держал даже пули, выпущенные из «гюрзы», а что говорить про «калашников», да еще с тридцати шагов? Босс отлетел на пару метров назад, больно ударился затылком об асфальт и тоскливо уставился в синее небо. Умирать было почему-то не больно. И свет не мерк, а окружающее пространство не сжималось в темную точку, как это красиво пока-

зывали в кино. Семенов пошевелил рукой, ногами, напряг слегка затянутый жирком пресс. Все работало. В груди ныло, но не настолько, чтобы корчиться от боли. Даже стонать от такой боли как-то не особенно хотелось. Босс провел рукой по груди. В пиджаке дырка… вот она… в «бронике» должна быть тоже дыра, а из нее должна сочиться теплая кровь… Нет, ничего такого. А в пластине бронежилета лишь несерьезная вмятина. Что за чудеса? Семенов приподнялся на локте и осмотрел пиджак. Вот в чем дело! Он сунул руку во внутренний карман и вынул капсулу с «Соколом». Сделанная из сверхпрочных сплавов, да еще со свинцовым наполнителем, она отлично выдержала прямое попадание автоматной пули, а пластина бронежилета равномерно распределила энергию удара. Потому и отбросило босса, как щенка, но не убило и ребра целы… почти. Семенов попытался глубоко вдохнуть, но не смог, было больно теперь уже без дураков.

Впрочем, синяки и трещины в ребрах сейчас были не в счет. Семенов осмотрел капсулу и понял главное – пулю она удержала, но была серьезно повреждена, и встроенный в нее автономный М-станнер не работал. А из этого следовало…

Семенов насколько сумел быстро поднялся на ноги и рисково выпрямился.

– Босс! На землю! Пришьют!

На шипение Аслана, засевшего между каром и первой тележкой, он не отреагировал.

– Не стреляйте! Дайте сказать! Позовите начальство!

Сухо треснули несколько выстрелов. Над ухом вжикнули пули. Семенов сглотнул вязкую слюну и поднял над головой капсулу. Держал он ее так, чтобы противник не видел повреждений. Еще несколько пуль просвистели чуть выше головы, но затем наступила пауза.

– Не стрелять! – крикнул кто-то невидимый за бронированным «Тигром». – «Черный», скажи своему янычару, чтобы тоже остыл.

Семенов опустил взгляд и выразительно посмотрел на Аслана. Тот немного поколебался, но затем понимающе прищурился и подмигнул.

– Это «Сокол»! – Босс помахал над головой рукой с зажатой в кулаке капсулой. – Вам же он нужен?

– Мы и возьмем, – уверенно пообещал командир «красных». – Вторую руку подними и постой так минуту. А боец пусть ствол выбросит и ляжет. Тогда гарантирую вам жизнь.

– А если я сейчас свяжусь с «Неводом» и расскажу, для чего нужен этот самый «Сокол»? Всем желающим расскажу. На все сети выйду и всему миру ваши секреты выложу.

– А успеешь?

На груди у Семенова появилось сразу три красных точки лазерных целеуказателей.

– А ты о пакетной передаче данных слышал? Мой боец на смарте палец держит. Нажмет кнопку янычар, и уйдет «инфа» в «Невод», а оттуда по всему миру, сам понимаешь.

– Понимаю, – командир военных усмехнулся. – Но я тебе

не верю. Гранаты к бою! – И негромко своим: – Сделаем из гадов фарш…

Семенов почувствовал, как слабеют колени, но позы не поменял. Со стороны это, наверное, выглядело героически, хотя на самом деле босса просто парализовало от очередного приступа страха. Смелость, замешанная на уверенности, что блеф сработает, больше не подпитывала тело энергией, а других источников подзарядки у Семенова не имелось. Он стоял с поднятой над головой капсулой, пародируя статую Свободы, и мысленно прощался с жизнью. Большего он все равно не мог предпринять. Ни морально, ни физически. Конечности не слушались, а в душе было холодно и пусто. Туловище вовсе превратилось в подобие элемента мебельного гарнитура. Казалось, стукни по спине – и услышишь гул, будто из пустого шифоньера.

– Черпаев, отставить! – вдруг долетел до Семенова знакомый голос. – Я понимаю, что к сраным «Соколам» у тебя свои счеты, но этот нам нужен целым и невредимым!

– Он в капсуле, товарищ генерал. Ничего ему не сделается.

– Готов ответить за эти слова погонами?

– Ну… вообще-то…

– Тогда заткнись! – подоспевший генерал Манилов почти зарычал. – А ты, вошь нестроевая, аккуратно положи капсулу на землю и шагом марш отсюда, если успеешь!

– Это вы мне? – Семенов поискал взглядом собеседника.

Манилов совершенно спокойно вышел из-за «Тигра» и зло взглянул на Семенова.

– Тебе, босс недоделанный! Капсулу – на землю и проваливай! Мне что, три раза повторять?

Три раза повторять было необязательно. Семенов уже понял замысел Манилова. Генерал рисковал, так открыто вмешиваясь в ход спецоперации, не только своей репутацией, но и должностью, но, видимо, Главный посчитал, что это единственный способ решить проблему, и генерал был вынужден подчиниться. А что поделать? Назвался заговорщиком, будь готов стать крайним. До Семенова вдруг дошло, что пробившая контейнер пуля тоже могла быть вовсе не спецназовской. Ведь до того момента «красные» только запугивали, стреляя поверх голов. Да и позже никаких попыток разделаться с «черными» не было, одни угрозы.

«Неужели Главный настолько крутой стратег и тактик? Нет, не может быть. Как он следил за развитием событий – понятно, с „Неводом“ он накоротке. Но как он мог принять решение за такой мизерный промежуток времени? И где он вдруг нашел снайпера? Или стрелок следил за мной с самого начала? Но это означает, что я никуда не должен был улететь! Главный загнал нас на этот аэродром умышленно! Он знал, что вывезти чип можно только внутри носителя, но понимал при этом, что никто в здравом уме на такое счастье не согласится… А теперь, когда чип из пробитой капсулы переместился в носителя, то есть в меня, Главный подключил к

спектаклю Манилова, который под предлогом того, что капсула теперь в руках „красных“, благородно меня отпустит. Этакий жест победителя. А когда я исчезну, он „вдруг обнаружит“, что капсула пуста. Главный играет нами, как пешками! Черт возьми, он обещал мне место ферзя, а сделал из меня пешку! Такую же, как Барков, и какой недолго был покойный Жорик. Провел меня, как сосунка! Семенов, твою мать, ты – сосунок!..»

Семенов швырнул капсулу на асфальт и демонстративно повернулся к генералу спиной.

– Босс, ноги! – выбираясь из-под электрокара, крикнул Аслан. – Уходим, босс!

– Ставлю сотню, что нас отпустят, даже если мы помочимся им на сапоги и попятимся отсюда раком, – зло бросил Семенов. – Сегодня наш день.

– Что-то я не понимаю, – Аслан опасливо взглянул на перегородившие путь к ангару «Тигры», а затем поднял глаза к набравшей высоту вертушке. – Это постанова была, что ли? А для кого, для зрителей «Невода»?

– Давай позже, – Семенов взглядом указал на чартерную зону.

– К армянам? – перехватив его взгляд, сообразил Аслан.

– Как бы.

– Понятно, – телохранитель опасливо оглянулся на позиции военных, но бойцы Манилова хранили молчание и не показывались из-за машин, будто действительно давая «чер-

ным» время ретироваться.

Формально там, в командирском «Тигре», шло совещание генерала с Москвой, и до его окончания бойцы не имели права даже косо посмотреть на бывшего противника. Семенов невесело усмехнулся. Версия подтверждалась. Манилов был намерен совещаться до посинения. Можно идти, бежать, ползти – что больше нравится, но, пока последняя «черная» задница не покинет пределов аэродрома, никакого решения генерал не озвучит.

Семенову вдруг стало крайне обидно за свое незавидное положение. Нет, ну разве это справедливо? Только наметился грандиозный карьерный взлет – и тут же мордой о стол. Да, босс, теперь ты Хозяин, но чего – какой-то жалкой шарашки! И вся твоя крутизна теперь не стоит ломаного гроша. Твоя новая должность теперь значит не больше, чем прежняя. Да что там не больше – меньше! Тебя разменивают, как рваный полтинник, надеясь выручить хотя бы половину стоимости. Обидно! Особенно когда ты на самом деле не полтинник, а настоящая пятисотенная. Ведь ты в курсе серьезных и весьма опасных для «менялы» вещей.

«Ну так и докажи ему, что ты не бросовый товар, – разозлился на самого себя босс. – Покажи этому Главному, что достоин не только должности ходячего контейнера для „Сокола“, но и партнерства. Ведь где минусы, там и плюсы. Теперь Главный будет вынужден считаться с моим мнением. Он, конечно, хитроумный стратег и грамотный тактик, но и

в его планах не может все складываться идеально. Взять, к примеру, его выбор нового носителя „Сокола“. Спору нет, я лучше Баркова, но ведь у меня есть свои амбиции и потребности. Я не стану носиться с выпученными глазами, разыскивая пропавшую семью и сгорая от желания расстаться с „Соколом“. Я включусь в игру. Да так, что вывести меня из нее уже не удастся. Я докопаюсь до истины и обязательно использую все свои возможности на полную катушку! Вот тогда и посмотрим, кто пешка, а кто ферзь!..»

– Аслан, ты говорил, брат у тебя тут в авторитете?

– Есть такое дело, – за спиной у «черных» уже остались несколько вертолетных туш, и телохранитель заметно расслабился. Ведь он больше не чувствовал затылком усиленных оптикой взглядов спецназовцев. – Могу вызвать его прямо сюда. Контора от аэропорта недалеко, пять минут лету.

– Вызывай, только пусть приезжает наземным транспортом. И «сменку» приготовит, да не одну. Будем уходить.

– Нас же отпустили, – Аслан указал большим пальцем за плечо. – Или генерал все на себя взял?

– Вроде того. Поэтому нам лучше где-нибудь отсидеться. Найдет братец такое местечко?

– Без проблем. В былые времена тут целые отряды в горах отсиживались. До «Невода». Но, думаю, и сейчас получится. Я лично пару схронов знаю, до которых федералы так и не добрались.

– Вот и ладно. Недельку отдохнем, а после в Грузию дви-

нем. Или сразу, чего тянуть? Найдешь проводника?

– Найду. А что мы в Грузии забыли? Там ведь неспокойно. Миротворцы шерстят, только шум стоит. И «Невод» в особом режиме работает. Заметут еще.

– Не волнуйся, у меня в Тбилиси связи есть. А что бардак там, так это нам только на руку. Затеряться легче. А с «Неводом» я разберусь. Есть у меня такое чувство.

Он усмехнулся и потер зудящую ладонь…

* * *

Генерал Манилов повертел в пальцах искореженный контейнер – по форме и размеру не больше футляра для сигары. «Сокола» в нем не было, это генерал знал точно. Зачем же в таком случае Главный потребовал отнять бесполезный футляр у Семенова? Чтобы замести следы? Манилов сплюнул на гладкий аэродромный асфальт. Главный, как всегда, считает себя самым умным и дозирует информацию. Ну что ж, на том и погорит. Итак, «Сокол» номер два у Семенова, вернее – внутри него. Что из этого следует? Во-первых, что боссу «черных» не повезло – быть носителем такого опасного электронного паразита большой риск, а во-вторых, то, что Главный перестал доверять Манилову. Зачем иначе было уводить «Сокола» прямо из-под носа у генерала? Ну что ж, недоверие порождает ответную реакцию: либо желание выслужиться, либо… ведет к расколу. Без Главного, конечно,

Систему не построить, зато когда она будет закончена и отлажена…

Генерал понимал, что вынашивать настолько далеко идущие планы пока рановато, но он привык учитывать все возможные сценарии развития событий и готовиться к ним. Навык тщательного планирования – фундамент любой стратегии.

– Манилов, ответьте, – послышалось из генеральского смарта.

– Слушаю, господин Главный, – Манилов оглянулся на подчиненных, куривших у ближайшего «Тигра», и понизил голос. – Семенов убыл. Уверен, он попытается перейти на территорию Грузии.

– Давайте без фамилий. «Ворон» теперь не ваша забота, генерал. Возвращайтесь в Москву. Там сейчас и «Сокол», и «Ласточка». Мне нужны все птички оптом.

– «Ворон», «Сокол» и «Ласточка»? – Манилов подавил усмешку. – Вы больше не доверяете «Неводу»? Думаете, нас могут прослушать?

– Без комментариев, генерал. Так надо.

– Ну надо, значит, надо, – генерал все-таки ухмыльнулся. – Только я не смогу добыть вам весь сраный зоопарк. Разве что «Ласточку».

– Пусть будет так, генерал. Я дам вам точные координаты Тамары… э-э… «Ласточки», когда вы окажетесь на месте. И поторопитесь! Все, работайте!

Генерал буркнул «есть» и, когда связь прервалась, сплюнул на асфальт. Судя по тому, как елозил Главный, для маневров и перегруппировки сил у «красных» и прочих заговорщиков оставалось крайне мало времени. А потому Главный начал спешить. И нервничать. И это не есть хорошо. В спешке легко упустить какую-нибудь важную деталь, и тогда все пойдет коту под хвост. Неужели Служба безопасности «Невода» стала вдруг настолько сильна и влиятельна, что с ней не может справиться даже тайный всемирный консорциум негодяев всех мастей? Манилов вздохнул. Ежу понятно, что только в голливудских фильмах добро всегда побеждает зло, а в жизни чаще происходит наоборот, в этом генерал не сомневался, но сейчас Манилову стало почему-то не по себе. Его мучило нехорошее предчувствие. Нет, он по-прежнему верил в победу заговорщиков – еще бы! Такие деньги и связи! Но какова будет цена этой победы? Раз Главный занервничал, значит, СБН умудрилась организовать неслабое противодействие, а в больших играх и ставки немаленькие. Взять, к примеру, «черных». Это была, наверное, самая влиятельная преступная группировка в Москве, да и во всей России, и где она теперь? Боброва разменяли, как какую-то пешку, а остатки банды просто рассеяли или перевербовали! Ну и где гарантия, что «Специальный научно-практический центр Министерства обороны по электронной разведке и программированию», или, если коротко, – «Объект Красный», не станет следующей разменной фигурой вместе

с начальником, то есть генералом Маниловым? А что? Когда секретные заводы выполнят план, они станут ненужной и весьма опасной уликой. А когда все эти объекты будут аккуратно взорваны, станут не нужны и опасны обслуживавшие их люди: инженеры и охрана, все – подчиненные Манилова. Хорошо, если к тому моменту будет запущена Система. Конспирация пойдет побоку. А если не будет?

Получалось, что после ареста Боброва и ликвидации его группировки, как ни крути, крайним оставался сам генерал. Манилов невесело усмехнулся и еще раз сплюнул.

«Ласточку» добыть? Это можно. Только хрен я потороплюсь! И на досрочное выполнение заводского плана тоже не надейтесь, господин Главный. Все будет сделано строго по сраному графику и ни днем раньше! А если вас спецслужбы к тому времени зажмут, как танки пехоту, я не виноват. Тщательнее стратегическое планирование надо было проводить. По-военному, а не под диктовку американских спонсоров, азиатских наркобаронов и отечественных бандитских морд!»

4. 06 июля, 19 часов (время московское)

– …Кредитная система «Соникард» универсальна. Она интегрирована в глобальную спутниковую сеть и позволяет производить расчеты в любой точке мира, на любых терминалах всех известных банков и других кредитных систем. Вам больше не нужно носить толстые бумажники с пачками карточек разных банков. Имея при себе «Соникард», вы можете получить товары, услуги или наличные, не задумываясь, принимает ли магазин или банкомат к оплате карту той или иной системы. «Соникард» решает любые финансовые проблемы! Наш девиз: «Гарантированные платежи всегда и везде!»

Зазывалы вещали примерно одно и то же на каждом углу. Даже здесь, в Центральном парке, где не было никаких углов, только деревья, трава и асфальтовые дорожки. С одной стороны, рекламная кампания выглядела вполне обычно: разъезжающие по городу фургончики останавливались на самых оживленных перекрестках Нью-Йорка, и выскочившие из них улыбчивые девицы раздавали прохожим разовые карточки на предъявителя. Студенты-распространители в куртках и бейсболках, украшенных логотипами «Соникард» – золотые буквы поперек красного кружка, – бро-

дили по супермаркетам, кафе, гостиницам и прочим общественным заведениям, доходчиво объясняя всем желающим, в чем преимущество новой кредитной системы. Логотипы мелькали там и тут на рекламных щитах и электронных табло. Реклама шла и по телевидению, и в Сети, и на товарах: бейсболки, майки, миниатюрные логотипы на этикетках самых разных продуктов, буклеты, проспекты и плакаты внутри и снаружи супермаркетов, забегаловок и салонов. Красные кружки, будто корь, заразили и Бродвей, и Уолл-стрит, и даже фойе такого храма современной культуры, как Мэдисон-сквер-гарден. В общем и целом, масштаб мероприятий свидетельствовал о нешуточных финансовых вложениях в рекламу, а значит, и о солидности новой системы. А если учесть еще и главный рекламный ход – раздачу «пробных» кредиток всем желающим, – сомнений не оставалось: «Соникард» – это серьезно. Так считали почти все ньюйоркцы, попавшие под пресс этой агрессивной, напористой рекламы.

И все же это была только одна сторона медали. Если взглянуть с другой стороны, кое-что все-таки смущало. Не всех, а лишь таких въедливых скептиков, как Чак. Нет, непосредственно к акции у него претензий не было. За пятьдесят лет жизни в Нью-Йорке он повидал еще и не такие шабаши. Его удивлял сильный, но непонятный, с точки зрения практичного человека, главный рекламный ход «Соникард». Эта раздача «пробных» кредиток. Универсальная карточка – практически всемирные деньги! – и так была абсолютно убеди-

тельным аргументом. Зачем усиливать эффект? Ведь любому психологу – да просто любому здравомыслящему человеку! – известно, что лучшее – главный враг хорошего. Не будь этого странного «пробного» нюанса, Чак первым пошел бы в ближайший банк и открыл счет в системе «Соникард». А теперь… нет, вряд ли власти допустили бы рекламу пустой финансовой пирамиды, фактически – надувательство и унижение целой столицы мира! Да и стоимость рекламной кампании говорит о многом, но…

Во-первых, «пробная» кредитка на предъявителя позволяла приобрести за счет фирмы товаров и услуг на двести семьдесят долларов. Нормально? Конечно же, нет! Аргументы вроде того, что деньги лежат в самых разных банках и валютах по всему миру, и таким образом будущие клиенты «Соникард» могут убедиться, что система действительно работает, мгновенно переводя сбережения откуда угодно, куда угодно и конвертируя их из чего угодно в доллары, Чака не убедили. Ну не убедили, и все тут! Никто не раздает деньги без умысла. А еще настораживало ограничение – снимать наличные или покупать товары по этим «пробникам» можно только в течение шести часов – с одиннадцати утра до пяти пополудни шестого июля. После пяти все они будут заблокированы и превратятся в мусор. Почему? Опомнились и решили сэкономить? Ясное дело, что любая реклама – это клубок более или менее легальных финтов и хитростей. И все-таки как-то это подозрительно выглядит. Кре-

дитка с вполне приличной суммой всего-то на шесть часов. И как проследить, кто снимает двести семьдесят баксов, а кто нахапал карточек и тянет из банкомата уже третью тысячу? А уж какой будет ажиотаж… Полиции работы прибавится непременно. Они, наверное, и рады бы все это безобразие прекратить прямо сейчас, зарубить, так сказать, на корню, да не могут. Кампания разрешена мэрией. За взятки, конечно. Еще бы! Если фирма так сорит деньгами, сотня миллионов на взятки для нее не проблема.

Чак вздохнул и украдкой взглянул на часы. Без двух минут одиннадцать. И все-таки настороженность настороженностью, а деньги есть деньги. Чак вынул из кармана три «пробные» карточки с красным кружком. Одну ему буквально всучили вчера вечером, в двух кварталах от Таймс-сквер, пока он ждал клиента. Это была первая встреча с напористыми студентами-распространителями. В тот раз Чак не поверил ни единому слову, но карточку все-таки сунул в бардачок. Мало ли? Вторую ему подарил клиент, севший в машину на 42-й улице неподалеку от Центрального вокзала. Беседа с пассажиром оказалась вполне содержательной, но упрямый нью-йоркский таксист все равно не поверил в грядущую «кредитную революцию» и заставил клиента расплатиться наличными. Тот заплатил, даже с двойными чаевыми, и еще оставил Чаку карточку. Третью кредитку засомневавшийся таксист вытребовал сам, когда притормозил, проезжая мимо распространителей по Ист-Ривер драйв. Зачем? От жадно-

сти, наверное. Ведь сколько ни сомневайся, а свербит где-то там внутри: не останься в дураках! Если это туфта, никто ведь и не узнает, что ты тоже участвовал в грандиозном лохотроне. А если это реально, ты за здорово живешь получишь восемьсот десять баксов. Не так уж много, но почти как хорошая дневная выручка.

Одиннадцать! Сейчас все станет ясно. Кто кого надул или, наоборот, – облагодетельствовал. Чак уже давно решил, как поступит с кредитками. Одну он заранее сунул в сканер счетчика. Если не сработает, то, во-первых, никто и не узнает, а во-вторых, не придется совершать лишние телодвижения. Вторую он планировал использовать чуть позже. Прокатиться до банкомата, где не будет большой очереди, и получить наличные. А третью можно потратить на подарок сыну. Он давно просил новые кроссовки, с этими, как их, черт… гелевыми ролл-вставками, которые позволяют по желанию либо кататься, как на роликовых коньках, либо ходить, как обычно. Последнее, конечно, маловероятно. Чак усмехнулся. Он отлично помнил себя в таком возрасте. С наступлением лета ролики заменяли обувь окончательно и бесповоротно, а осенью, с началом школьной учебы, приходилось заодно и снова учиться ходить. Теперь же подросткам вообще ничто не мешает круглый год носиться по городским тротуарам, обгоняя плетущиеся в пробках машины, соскальзывая прямо по перилам в подземку или устраивая массовые заезды на просторах площадок старых доков в Вест-Сайде. Забло-

кировал вставки – и ты обут в нормальные кроссовки, разблокировал – ты на роллерах, причем с таким фантастически низким трением качения, что одного толчка хватает на сотню футов по любой более-менее ровной поверхности. И ничто не может испортить наслаждения от этого почти полета, пусть и в сантиметре от земли. Ничто, кроме осенней слякоти или снега, который нью-йоркской зимой нет-нет да выпадает, несмотря на глобальное потепление…

Но это все лирика. Пора! Чак ткнул в пиктограмму «оплата». На экране счетчика высветилась надпись «платеж произведен» и сумма… двести семьдесят долларов! «Кредит исчерпан. Спасибо, что воспользовались услугами „Соникард“. Чак шумно выдохнул и вынул кредитку из сканера. Надо же! Выходит, напрасно брюзжал и сомневался? Чак ощутил, что чуть выше потертого водительского сиденья начался легкий зуд – предвестник „золотой лихорадки“. Он включил „драйв“ и вывел свой старенький „Понтиак“ на проезжую часть. У всех намеченных банкоматов стояли длинные очереди, а у обочин негде было припарковаться. Чак проехал несколько кварталов и негромко выругался. Везде одно и то же – толпы граждан, возжелавших „бесплатного сыра“. Или, как сказал бы Олег, коллега с Брайтон-Бич: *herova tucha haliavshikov*. Чак нервно посигналил подрезавшей его дамочке на миниатюрной «Хонде». Ей-то на этом японском пуфике место у обочины нашлось. «Как же поступить? Не на Лонг-Айленд же ехать!» Зуд превратился в ощутимое беспокойство. Вре-

мени для получения денег оставалось предостаточно, и все-таки. Нет, в крайнем случае, можно было «слить» все три кредита в свой же счетчик, но что, если хитроумная система «Соникард» посчитает это нарушением правил и заблокирует два «лишних» перевода? Распространители не уточняли, может ли один человек воспользоваться несколькими кредитками, но логично предположить, что об этом условии не говорили, поскольку оно было слишком очевидным. Чак всегда гордился тем, что он человек осторожный, практичный и предусмотрительный. Его поэтому и грабили меньше других, и платить не «забывали» – такие вещи Чак просчитывал заранее, еще не посадив клиента, уже видел, что он за фрукт. И в прочих делах опытный таксист придерживался тех же принципов – лучше все предусмотреть и продумать, чем рисковать и терять деньги из-за собственного легкомыслия. Но сейчас опасение потерять пять сотен потихоньку подменяло собой все привычные установки.

Чак повертел головой. Заправка! Если залить под горловину, выйдет как раз почти на три сотни. Отличная идея! Чак свернул на 23-ю улицу и, постепенно выбираясь из тени небоскребов, покатил на запад в сторону Гудзона, к ближайшей заправочной станции. По правой стороне улицы ближайшая заправка располагалась только на пересечении с Десятой авеню, и Чак доплелся до нее лишь через полчаса. Пробки на Манхэттене были обычным делом. Улицы ведь не резиновые, а вертолеты-эвакуаторы в Нью-Йорке недолюб-

ливали. Формально потому, что эвакуация считалась делом небезопасным. Но Чак считал, все потому, что вертолет-эвакуатор «*kozel*» – изобретение русских. А если перефразировать известную реплику, из России разве может быть что-то хорошее?

Под козырьком с голографическими вывесками «Шеврон» машин было немного. Ну, может, на десяток больше, чем обычно. Чак пристроился за вороным «Мерседесом» и присмотрелся. Заправщики в красно-зеленых куртках и бейсболках работали быстро и все как один чиркали по сканерам кредитками с красным кружком. «Не один я такой умный, – усмехнулся про себя Чак. – Зато расторопный».

Он оглянулся. За ним стремительно рос длиннющий хвост. Чем собираются рассчитываться эти автолюбители, было ясно, как день.

Заправленное под завязку такси Чака снова нырнуло в поток и, немного проехав, прижалось к обочине. Для приличия следовало посадить хотя бы одного клиента. Заодно и немного остыть. Пока все складывалось очень даже удачно, но терять голову и бежать в ближайший спортивный магазин за подарком сыну не следовало. До финальной сирены пять часов, а купить «кросс-роллы» можно где угодно. И чем дальше от центра, тем дешевле.

– Угол Шестнадцатой и Бродвея, – сказал усевшийся в такси клиент.

Это было не совсем то, чего хотел Чак. Он предпочел бы

отвезти пассажира «куда подальше», например, в Ньюарк или Джерси, а не ползать вокруг Бродвея, пересчитывая забитые машинами улицы и авеню. Но раз уж этот парень сел, придется везти.

– Сегодня суматошный день, – сказал Чак. – И движение плотнее обычного. Вы спешите?

– Как и все сегодня, – пассажир уставился в правое окно. – Вы уже воспользовались кредиткой?

– Какой кредиткой? – Чак всем своим видом демонстрировал, что не понимает, о чем идет речь.

– Той самой, «Соникард».

Пассажир ему не поверил. Что и неудивительно, неиспользованную пока карточку Чак небрежно сунул в щель над дверцей «бардачка».

– Пока нет. К банкоматам не пробиться.

– Ну да, – клиент хмыкнул. – Мой вам совет, не повторяйтесь. Уверен, что деньги с первой карточки вы «залили в бак», верно? Вторую кредитку вы второпях сунули в банкомат, а деньги с третьей перевели себе на счетчик. И все это вы сделали практически не сходя с места, на одной улице, я угадал? Если все так и было, мой вам совет: четвертую используйте где-нибудь подальше.

– А какая разница? – Чак не стал ничего отрицать, но краснеть и каяться он тоже не собирался. Проницательность клиента впечатляла, но если подумать, эти решения были самыми очевидными, и так поступили, наверное, девять из де-

сяти таксистов, урвавших больше одной «разовой» кредитки.

– Может заблокироваться.

– Ага, – Чак удовлетворенно кивнул.

Значит, подвох все-таки был. Попытайся он перевести все деньги в свой счетчик, не получил бы ни цента сверх первого платежа. А так и заработал, и заправился. И все-таки непонятно, при чем тут место. Какая разница, здесь покупать товары или в Бронксе? Система-то одна. Всемирная.

– Я точно не знаю, как это все работает, но поговаривают, что, если использовать кредитки равномерно, в удаленных друг от друга местах, сбоев не возникает. А если вы решите получить наличные в пределах одного района, то эти подарочные счета могут заблокироваться. И даже если вы поступаете по-честному: один клиент – одна карточка, но перед вами с таких же кредиток деньги получили человек пять-семь, система может вам отказать.

– Странно, вам не кажется?

– Есть немного. Такое впечатление, что «Соникард» запрограммировала кредитки так, чтобы клиенты сунули их в максимальное количество терминалов. Может, таким способом владельцы фирмы хотят доказать, что система безотказна и их карты примет даже самый простой и устаревший терминал где-нибудь в Гарлеме?

– Безотказна? – Чак в сомнении покачал головой. – Тогда кредитки не блокировались бы раньше времени. Нет, тут

что-то другое. Я вам вот что скажу, мистер, нечисто тут дело. Могу поставить дневную выручку против банки пепси. Будь у меня хоть какая-то версия, я бы обязательно сообщил о ней в полицию.

– Что это значит?

– У вас ведь имеются какие-то соображения, не так ли?

– Нет, – пассажир стушевался. – Вернее, да, есть, но это лишь фантазии. В свое время я увлекался беллетристикой, ну, знаете, политические детективы, секретные материалы, теория заговора…

– Кто убил Джей Эф Кей?

– Да, вроде того. Так вот, ситуация с рекламой и, главное, с распространением «Соникард» вполне укладывается в рамки классического заговора. Этот «кредитный бум», завуалированное принуждение клиентов посетить как можно больше заведений, имеющих электронные терминалы… Очень подозрительно, очень.

– Думаете, в чипах карточек заложен вирус, который может вывести из строя всю нашу кредитную систему?

– Не знаю. Все может быть.

– Думаю, тут вы ошибаетесь, мистер. Чтобы устроить электронную диверсию, вовсе не обязательно ходить по супермаркетам и чиркать по терминалам кредитками. Достаточно влезть в банковские системы через Сеть.

– А если вам не по зубам защитные коды?

– Тогда они вам не по зубам, и точка. Атака через пери-

ферию тут не поможет.

– Не скажите. Если использовать язык военных, фланговые обходы зачастую бывают гораздо эффективнее ударов в лоб.

– Вы военный?

– Нет, просто кое-что об этом слышал. Мой дядя служит полковником в форте Беннет.

– А я работал в радиоэлектронной компании, пока ее не прикрыли после кризиса семнадцатого года. Специальность у меня была не самая мудреная, но в некоторых вещах я разбираюсь. Вирусы загружают через Сеть. Сканеры кредитных терминалов тут не подойдут.

– Ну вот поэтому я и не иду со своими фантазиями в полицию. Что я им скажу?

– Пожалуй, сказать действительно нечего. Приехали, мистер. С вас тридцать пять пятьдесят. Только не этой чертовой кредиткой!

Клиент расплатился наличными и быстро растворился в толпе. Чак проводил его равнодушным взглядом, затем вдруг выделил из массы лиц одно знакомое и коротко нажал на клаксон. Человек, которому он посигналил, едва заметно покачал головой и, обреченно вздохнув, сел в машину.

– Чак, ты неисправим.

– А что такое, Роджер? – удивился таксист.

– Ничего, если не считать главного условия игры – мы незнакомы, дружище.

– И какие же мы тогда друзья? – Чак рассмеялся и выключил фонарь с надписью «свободен». – Куда едем?

– В Гарлем.

– Куда?! – Чак обернулся и изумленно уставился на пассажира. – Я могу отвезти тебя на Бруклинский мост. Просто бросишься в Ист-Ривер. Так умереть будет наверняка приятнее.

– Да, – Роджер причмокнул, будто смакуя отличную идею. – Желательно прямиком в Гарлем.

– Ты чокнутый, Родж!

– У меня осталось три сотни нерозданных кредиток, Чак. Боссу это не понравится.

– Но почему туда?! Давай я отвезу тебя в Джерси или… хочешь в Принстон? Я знаю, ты любишь это местечко. Мне нетрудно, хоть это и не ближний путь. Там не так людно, зато безопасно!

– Крути баранку, Чак. Если до пяти не будет использовано хотя бы девяносто процентов кредиток, Главный намылит шею Чарли, а тот мне. А резидент с намыленной шеей – это плохо, Чак. В первую очередь для агентуры. Понимаешь?

– Конечно. Я помню ту заварушку в Хемпстеде, когда ты пристрелил Фитца.

– Он работал на АНБ.

– Знаю. Но каково было нам тогда! Ведь о его предательстве мы узнали уже после перестрелки. А тогда мы подумали, что наш резидент получил от начальства грандиозную

взбучку, в результате сошел с ума и теперь уничтожает агентурную сеть.

– Ладно, не будем о грустном. Как твое наблюдение?

– Все идет по плану, шеф. Вы же знаете, я относился к затее с «Соникард» с недоверием и даже по легенде играл скептика, но теперь готов признать, что она сработала. Самый проницательный обыватель из всех, с кем я говорил на эту тему, не имеет против Системы ничего, кроме смутных сомнений. Чарли может докладывать Главному об успехе.

– Рано, Чак, – Роджер похлопал по гладкому боку элегантного кейса. – Сначала надо покончить с этим, а уж после докладывать.

– Гарлем! – Чак вздохнул. – Ваш выбор, мистер, но учтите, высажу за три квартала. Я сегодня без оружия и бронежилета…

* * *

Клиент попался странный. Во-первых, белый, а во-вторых, этот заблудившийся турист ничуть не испугался приставленного к виску пистолета. Он не дрожал, как это делали другие, и не рассказывал слезные истории о ждущих дома детях. Правда, и не сопротивлялся. Просто стоял и смотрел. Не в глаза, а куда-то мимо обоих черных грабителей. Куда-то… в никуда, будто слепой.

– Что смотришь, мать твою?! – чуть громче обычного

крикнул Саймон. – Давай свой гребаный бумажник, мать твою!

– Извините? – с каким-то жутким акцентом произнес клиент.

– Бумажник! Наличные, кредитки. Понимаешь, мать твою?!

– Да, понимаю, – белый вынул из кармана тощий кошелек и протянул Саймону.

– Теперь, говнюк, гони свою гребаную трубку!

– Трубку? – Клиент снова притормозил. – А-а, смартфон.

– Смартфон, – кривляясь, передразнил Саймон. – Он у тебя есть, мать твою?!

– Возьмите, – белый отдал смарт.

– Что у тебя за сраный акцент? Польский? – Саймон, не глядя, бросил аппарат Эдди.

Тот поймал смарт и повертел его, разглядывая со всех сторон. Трубка была дорогая, но работала в европейском стандарте. В Нью-Йорке его поддерживала только одна фирма из пяти. Ни Саймон, ни Эдди ее абонентами не являлись.

– Что это за дерьмо?! – возмутился Эдди. – Откуда ты тут взялся, белый?!

– Я турист, – спокойно ответил клиент.

– Турист? – насмешливо переспросил Саймон. – В Гарлеме? Что ты хотел здесь увидеть, мать твою? Это?

Он сунул ствол под нос туристу и случайно ударил его по губе. Из ранки потекла кровь.

– Вот дерьмо! Ты запачкал мою пушку, говнюк! Что у тебя есть еще, мать твою? Выкладывай!

– Только это, – клиент снял с безымянного пальца правой руки тонкое обручальное кольцо.

– Ты вдовец? – спросил Эдди.

– Нет, моя жена в порядке. Просто я не католик.

– Поляк и не католик? – Саймон вытер ствол о рубашку туриста и бросил взгляд на Эдди. – Много там?

Напарник вынул из бумажника несколько купюр и десяток кредиток. Наличными получалось всего около сотни долларов, зато среди кредиток обнаружилась «золотая» «ВИЗА». Эдди показал улов приятелю. Тот удовлетворенно кивнул и опустил пистолет.

– Ты, поляк, вежливый турист, мать твою. Я тебя отпускаю. Но если тебя остановят другие братья, у тебя будут большие проблемы. Так что лучше убирайся отсюда поскорее.

– Хорошо, – белый кивнул. – Только верните мне смарт и одну из кредиток, вон ту, с красным кружком, «Соникард».

– Ты шутишь? – Саймон слегка оторопел и снова поднял пистолет. – Отдать тебе сраный смарт, чтобы ты заблокировал кредитки?

– Да и сам он чего-то стоит, хоть и кусок дерьма, – буркнул Эдди. – Застрели его, брат, раз он такой тупой говнюк.

– Смарт вам не пригодится, – твердо заявил «поляк». – А карточка пуста. Мне они нужны просто как «ай-ди».[2]

---

[2] Удостоверение личности.

– Шлепни его, брат, – снова сказал Эдди.

– Подожди, брат, мне он нравится, – Саймон смерил туриста оценивающим взглядом. – Редко встретишь смелого поляка. Да еще в Гарлеме. Что ты забыл здесь на самом деле, мать твою?

– Заблудился, – честно глядя на Саймона, заявил белый.

– С таким смартом? Не трахай мне мозги, турист. Этот смарт контролировал каждый твой гребаный шаг. У него же включена функция прямого выхода в спутниковую сеть.

– Ты неплохо разбираешься в технике, – похвалил клиент. – Я могу помочь тебе с работой. Тысяча в неделю и не надо никого грабить.

– Тысяча баксов или польских монет? – Саймон рассмеялся.

– В Польше евро. Но я говорю о долларах. Если ты действительно разбираешься в электронике, я могу взять тебя в прибыльный бизнес.

– Снова дерьмо, – фыркнул Эдди. – Шлепни его, брат!

– Заткнись, – отмахнулся Саймон. – Бизнес? Нелегальный?

– За легальными работниками я пошел бы на биржу труда.

– По тысяче каждому, – отчеканил Саймон.

– Твой брат тоже разбирается в технике?

– Нет.

– Тогда зачем он мне?

– Да застрели ты его, Саймон! – обиженно предложил Эд-

ди. – Мне надоело слушать это дерьмо!

– Эдди, заткнись! – приблизив лицо к лицу напарника и почти ткнув указательным пальцем ему в глаз, рявкнул Саймон. – Заткнись, гребаный ниггер! Понял меня, говнюк?! У нас деловые переговоры, мать твою! Поэтому заткнись и слушай!

– Чего это ты раскомандовался, ниггер?! – взорвался Эдди.

– Хорошо, я возьму вас обоих, – прерывая их стычку, сказал турист. – Эдди будет механиком. Ты разбираешься в машинах, Эдди?

– В отечественных – да, – Эдди покосился на брата. – От японских меня тошнит.

– Потому что в них много электроники и трудно угнать? – Турист улыбнулся.

– Мы будем угонять тачки? – осенило Саймона.

– Нет. Вы будете работать в офисе, как настоящие бизнесмены.

– Ни хрена себе! – восхищенно воскликнул Эдди. – Будем ходить в гребаных костюмах и галстуках, как продавцы в автосалоне Джарвиса?

– И получать по тысяче в неделю, – напомнил «поляк» и взглянул на Саймона. – Для начала. Идет?

– А ты правильный чувак, – Саймон спрятал пистолет и протянул туристу руку. – Я – Саймон. Когда начинаем?

– Если отвезете меня в офис, то прямо сейчас. У вас есть

машина?

– Спрашиваешь! – Эдди горделиво выпятил грудь. – «Кэдди» семнадцатого года. У вас в Польше есть «Кадиллаки»?

– В Европе предпочитают японские машины. Или немецкие. Я езжу на «Майбах» модели прошлого года.

– Он же стоит кучу денег! – Эдди завистливо вздохнул. – Почти как гребаный «роллс».

– Дороже, – турист усмехнулся. – Ты действительно кое-что понимаешь в машинах. Это хорошо. Где ваш «кэдди»?

Машина грабителей стояла буквально в десяти шагах, за ближайшим углом.

– А ты, поляк, почему не на колесах? – спросил Саймон, когда они уселись в «кэдди».

– Можете звать меня Роджер.

– О'кей. Почему ты не взял тачку напрокат, Родж? В розыске?

– Нет, мой «ай-ди» в порядке. У меня была тачка, но она сломалась в двух кварталах отсюда.

– Ха, – Эдди расплылся. – В двух кварталах к югу?

– Да.

– Ну, теперь от нее не осталось и следа. Кривой Билли уже разобрал ее по винтикам и продал все приличные запчасти Джарвису. Это был «Форд»?

– Да, «Виктори» двадцатого года.

– Билли поднимет не меньше трех штук, – Эдди хмыкнул. – Ты, Родж, прямо как Армия Спасения. Приехал, при-

вез подарки…

Роджер не ответил, лишь пожал плечами.

– Саймон, так вы отдадите мой смарт и ту карточку, с красным кружком?

– Забирай, – Саймон протянул было смарт, но вдруг передумал. – Хотя нет, Родж, пойми меня правильно. Я отдам тебе все, когда увижу, что ты нас не надул.

– Только один звонок, Саймон. Если я не сделаю его сейчас, сорвется крупная сделка и наш бизнес может серьезно пострадать.

– Бери, – Саймон протянул ему смарт, но снова отдернул руку. – Только один звонок и по громкой связи, чтобы я слышал.

– Договорились, – Роджер наконец получил смарт. – И карточку. На ней записан номер партнера.

– Я продиктую, – заупрямился Саймон.

– Перестань, – Роджер поморщился. – Номер зашифрован в штрих-коде. Ты сможешь прочитать штрих-код? Смарт его отсканирует, и, если для тебя это так важно, я верну карточку.

– Забавно, – Саймон вдруг как-то преобразился. – Зашифрованный номер, смарт особой модели, карточка несуществующей кредитной системы… Вы очень занятный тип, мистер Роджер.

Роджер поднял на черного грабителя удивленный взгляд. Внешне Саймон остался тем же закованным в золотые цепи и

перстни бандитом из гарлемской подворотни, но во взгляде у него появилось нечто новое. Роджер не сразу понял, что это, а когда сообразил, было поздно.

На запястьях у «поляка» защелкнулись наручники, и Саймон уже совсем другим голосом и на нормальном языке приказал:

– Сидите смирно, мистер Роджер. Эдди, поехали.

– Сообщить начальству?

– Да. Скажи, что мы взяли резидента.

– Ты уверен?

– Ну, или не меньше, чем его заместителя. Так, Роджер? Что ты хотел сделать с этой карточкой? Выжечь ее чип при помощи вот этого лазерного излучателя? – Саймон повертел смарт. – Очень интересная конструкция смарта, Родж. Вместо инфрапорта – лазер, вполне мощный, чтобы ослепить и даже убить человека, а вместо камеры просто какой-то спутниковый видеокомплекс с телескопом взамен объектива. Отличная шпионская аппаратура. Только тебе следовало засунуть ее в корпус от «Моторолы» или хотя бы «Нокиа», а не в «Филипс». У нас такие смарты редкость и привлекают внимание.

– Что-то я не совсем тебя понимаю, Саймон, – «поляк» скривился. – Ты вдруг заговорил как коп или агент ФБР. Что это значит?

Он поднял руки с «браслетами» и вопросительно уставился на Саймона.

– Мы агенты АНБ, Роджер, – спокойно ответил Саймон, – и вопросы задавать будем мы, понял меня?

– Две вертушки прикрытия, – сообщил Эдди, указывая вверх. – Начальство расщедрилось. Клюнуло на резидента… мать его.

– Что за информация забита в чип этой карточки, Роджер? – кивнув напарнику, продолжил допрос Саймон. – Почему ты хотел ее уничтожить? Это имеет отношение к утренним событиям на Манхэттене?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Саймон, – Роджер вежливо улыбнулся.

– Хорошо, поговорим в твоем офисе.

– В офисе? – Роджер с фальшивым недоумением поднял брови. – В каком офисе?

– Ты ведь пригласил нас в свою контору, забыл?

– Это была уловка, мистер Саймон, я просто хотел избавиться от грабителей. Вы привезли бы меня в более приличное место, и я поднял бы шум. Вот и все.

– Хитер, мать его, – бросил Эдди.

– Значит, сотрудничать вы не желаете, – Саймон, тоже понимая, что поспешил с арестом, скрипнул зубами. – Ну что ж, обойдемся. Наши эксперты расколют этот орешек в два счета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.